

Протоиерей Павел Боянков

Трудные слова О ВОЙНЕ

Минск
“ВРАТА”
2020

УДК 821.161
ББК 84
Б 86

Боянков П. В., протоиерей

Б 86 Трудные слова о войне / Протоиерей Павел Боянков. –
Минск : ВРАТА, 2020 – 111 с.
ISBN 978-985-6912-18-7

УДК 821.161
ББК 84

ISBN 978-985-6912-18-7

@ Боянков П. В. (протоиерей), 2020
@ Санько В. Е., обложка, 2020

Предисловие

Все статьи, помещенные в этом сборнике, ранее уже публиковались в журналах и газетах. Ограниченные (если не сказать прямо – малые) тиражи не позволяют говорить о широкой их доступности для заинтересованного читателя.

Внеся в тексты ряд существенных дополнений и исправлений, автор подготовил их к печати в год 75-летия Победы, снабдив копиями подлинных документов и фотографий из семейного архива. Господи, благослови!

Минск: июнь 41-го

Накануне

...Довоенный Минск – уютный город с узкими, старинными улочками. Старые двух-, трехэтажные дома Ленинской и Советской, там в выходные дни, особенно в вечерние часы, тесно от гуляющей публики и можно увидеть «весь Минск».

Предвоенные весна и лето: повальное увлечение танго. На вечерних сеансах в кинотеатре «Чырвоная зорка» играет джаз из Западной Белоруссии. На балконе одного из домов Ленинской улицы оркестр пожарной команды в полной форме исполняет модные танго и вальсы. Повсеместно на улицах – репродукторы, вездесущие довоенные громкоговорители.

Кинотеатры довоенного Минска находились на Советской улице: от угла Комсомольской до большого сквера (теперь – имени Я.Купалы), напротив которого был кинотеатр «Пролетарий». На углу Советской и Комсомольской (где сейчас Центральный книжный) располагался маленький кинотеатр «Спартак», где крутили старые ленты. Напротив уже упоминавшейся «Чырвонай зорки» разместился «Интернационал».

Самые примечательные здания довоенного Минска: Дом Правительства – вся площадь сложилась с учетом разрушения в разное время трех православных церквей. Дом офицеров – при его строительстве разрушено Архиерейское подворье. Театр оперы и балета (в первоначальном проектом варианте – со статуей Сталина наверху), ну и конечно – Академия наук.

Многие дома имели свои названия. Дом Коммунбанка – он и сейчас стоит на углу улиц Ленина и Карла Маркса – в нем жили крупные финансовые работники. Первый дом Советов,

Второй дом Советов – здесь проживали известные артисты, писатели, ответственные работники. Они стоят и теперь. Третий дом Советов – напротив театра оперы и балета. В этом доме находится один из немногих сохранившихся в Минске довоенных гастрономов. На улице Советской – «самое высокое здание в Минске». Почему самое высокое? Оттуда была видна... Колыма.

На месте ГУМа – «комиссионка», полки завалены вуалями, старинными шляпками, фильдеперсовыми чулками.

На противоположной стороне Советской улицы – «Торгсин». Там продавались совершенно непостижимые вещи. Отсюда вышли знаменитые белые «балетки» с голубой каемкой – настоящий крик моды, предел мечтаний минских девчонок.

В детских комнатах ЖАКТов (напомним: это – жилищно-арендное коммунальное товарищество) проводятся концерты самых известных певцов и артистов (искусство – в массы!).

Общественные столовые с невероятно вкусными котлетами, веселые коммуналки, праздничные демонстрации и мопровские значки.

А как же Куропаты? Это где-то далеко, за городом, ночные выстрелы не слышны.

А как же гигантская стройка в Антониевом урочище (Архиерейская дача, теперь – территория МТЗ) Минского авиазавода № 453, где на 21 июня работало свыше 10,5 тысяч человек? Там – закрытая зона, повышенная секретность – сами должны понимать и помалкивать.

А когда в один из дней не пришла на урок русской литературы любимая учительница и кто-то сказал, что она оказалась врагом народа, все ужаснулись, но не усомнились.

Давным-давно не слышно в Минске и колокольного звона. С 1938 года церковная жизнь замерла после закрытия последних храмов, после арестов и расстрелов последних священнослужителей. Еще и еще раз подчеркнем: в ходе 2-й мировой войны в Минске не пострадала ни одна православная церковь,

все они были разрушены либо до войны («безбожная пятилетка»), либо после нее (хрущевская «оттепель»).

Но для юных и молодых все вокруг было ярко и ново. В последнюю предвоенную весну-лето как-то особенно жадно воровали сирень.

Цветы в Минске росли только на окраинах, в палисадниках у деревянных домишек.

Тихие переулочки Опанского и Танковой, Юбилейной площади, Кальварии, «залинейного» района и Грушевки, Татарские огороды и Людамонт (теперь – кинотеатр «Москва» и далеко-далеко по проспекту Победителей).

Кое-кому из мальчишек приходилось расплачиваться кровоподтеками, разбитыми носами, разорванными рубашками. Тем не менее ночного города не боялись. Пьяные попадались редко, хулиганы – и подавно.

...Те предвоенные годы навсегда останутся неповторимыми и праздничными, несмотря на единственное, застиранное платье, несмотря на наступающее утро воскресного дня 22 июня.

Обрушилось

Этот день тоже начался с праздника. Молодежь дружно отправилась на открытие Комсомольского озера.

...В комнате, на стене у окна, висел большой черный громкоговоритель.

– Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!

– Вы слушали выступление Вячеслава Михайловича Молотова.

...Через два-три дня все станет на свои места. Мы сейчас сильны, как никогда.

Было 13 часов.

– Товарищи, в районе Минска показались вражеские самолеты! Объявляется воздушная тревога! Воздушная тревога! Укрывайтесь в бомбоубежищах!

... Не паникуйте. Самолеты уже сбиты. 22 июня в течение дня тревога объявлялась несколько раз.

На следующий день, 23 июня, в понедельник, посыпались бомбы. Радио замолчало. Многие производства и учреждения остановили работу. Раненых носили в больницы и поликлиники. Вскоре их некуда стало класть. Власти принимали все меры, чтобы не допустить паники, вплоть до применения силы вооруженными отрядами по борьбе с паникерами. Рабочие не имели права оставлять предприятия, разговоры про эвакуацию карались со всей строгостью.

Вторник 24 июня – кровоточащее черное воспоминание для тех минчан. Бомбежка не стихала с раннего утра до позднего вечера. Ни минуты передышки, грохот взрывов оглушал и туманил рассудок. Люди панически жались друг к другу, пытались укрыться в подвалах и первых этажах домов, где их часто засыпало обломками обрушившихся зданий.

К полночи в городе стало тихо. Искали родных и близких. У разрушенных магазинов и складов валялись мешки с мукой, круги колбасы. Город утопал в огне и дыму. Люди в растерянности стояли у развалин своих домов, сидели возле трупов, которые откапывали в развалинах.

Многие, спрятавшиеся на окраинах города, не возвратились домой.

Не надеялись застать ни дома, ни родных, так растерялись семьи. Бывшие эвакуированные помнят множество объявлений о розысках, висевших в эвакуопунктах, на почтах, просто на столбах и стенах домов, по всему Союзу.

В сложных условиях 24 июня удалось эвакуировать на восток более 10 железнодорожных составов. Много это или мало? Утверждается, что райвоенкоматы Минска успели мобилизовать около 27 тысяч человек. Однако сборно-призывные пун-

кты сразу же были выведены за черту Минска, в пригородные леса, и найти их удалось не всем.

23–24 июня немцы захватили станции Олехновичи и Радошковичи. Вечером 24 июня правительство республики тайно выехало в Могилев. Туда же на восток спешно отправились штаб Западного фронта, партийные и государственные органы. Рядовых же граждан, пытавшихся эвакуироваться, считали паникерами, приказывали вернуться. Официально было объявлено, что Минск не будет сдан врагу.

«Люди, надо бежать!» И город тронулся. Куда? Куда и все, на Москву. Некоторые сразу, еще не выйдя за городскую черту, побросали вещи. Те же, кто не решились на это, быстро растеряли силы и вынуждены были вернуться. Над головами пронеслись вражеские самолеты, бомбили и обстреливали людские толпы.

Навстречу стали попадаться группы каких-то странных, одетых в нашу военную форму, мужчин. Речь их была с непривычным для уха акцентом. Кто-то определил: немецкие десантники.

– Возвращайтесь, глупые, кругом уже немцы, – говорили они. От них шарахались, не верили. Толпа редела, старики, женщины с маленькими детьми, будучи не в силах двигаться дальше, возвращались назад.

Начальник отдела кадров Минского паровозного депо А. Котиков вспоминал: «25 июня кто-то сказал, что отходит последний эшелон, и если ты не поедешь, то останешься тут. Доехал до станции Седча. В этом поезде ехали Миронов, Карасев (начальник паровозного отдела), Басманов. Начальник политотдела и те, кого я назвал, отцепляют паровоз, весь эшелон с железнодорожниками и жителями бросают, а сами с одним вагоном убегают. Мы дошли до Руденска, где нас задержал кордон. Полковник собрал всех нас и сказал, что мы будем возвращены в Минск, потому что Минск не будет сдан немцам. Это было 26 июня». То же подтверждает и бывший

начальник Минского железнодорожного узла Ф. Кузнецов: «Нас вернули, обосновывая это тем, что все железнодорожники, которые уехали раньше, обязаны быть возвращены на старые места и продолжать работать».

В ночь на 26 июня немцы высадили в разных местах в районе Острошицкого Городка группы парашютистов-диверсантов и провокаторов, а на рассвете к северу от Острошицкого Городка – парашютный десант, который захватил поле, пригодное для посадки. Затем, с интервалом в 10–15 минут, на этой площадке началась высадка пехоты, тяжелого вооружения и даже легких танков.

Вечером 26 июня немцы захватили Смолевичи, перерезали Московское шоссе и прервали поток беженцев. К этому времени в Минске не осталось ни одного аппаратчика среднего или высшего звена, в городе царило полное и безнаказанное самовольство.

Практически к 26 июня стала очевидной настоящая катастрофа Западного фронта (командующий генерал армии Д. Г. Павлов). 3-я, 4-я и 10-я армии фронта оказались в «котле» между Белостоком и Минском. Для проведения «профилактических мероприятий» на Западном фронте в качестве члена Военного совета был направлен нарком Госконтроля СССР, недоброй памяти Л. З. Мехлис¹. Павлову досталась роль «коз-

¹ По словам Г. К. Жукова, «Мехлис додумался до того, что выдвинул формулу “каждый, кто попал в плен, – предатель родины” и обосновывал ее тем, что каждый советский человек, оказавшийся перед угрозой плена, обязан был покончить жизнь самоубийством, то есть, в сущности, требовал, чтобы ко всем миллионам погибших на войне прибавилось еще несколько миллионов самоубийц. Больше половины этих людей были замучены немцами в плену, умерли от голода и болезней, но, исходя из теории Мехлиса, выходило, что даже вернувшиеся, пройдя через этот ад, должны были дома встретить такое отношение к себе, чтобы они раскаялись в том, что тогда в 41-м или 42-м не лишили себя жизни» (Маршал Жуков: полково-

ла отпущения», его и 8 ближайших подчиненных расстреляли 22 июля 1941 года.

Утром 27 июня немцы перекрыли движение по Могилевскому шоссе в районе деревни Малое Стиклево. А утром 28 июня в Минск вошли части 17-й танковой (с южного направления) и 20-й танковой (с северного направления) немецких дивизий. Так было образовано внешнее кольцо окружения основной массы войск Западного фронта.

...Семь первых дней той войны. Вечная память миллионам павших!

Помянем добрым словом и покойную схимонахиню Анастасию (Шерешевскую), коренную, т.е. довоенную минчанку, чьи воспоминания были здесь широко использованы.

дец и человек. Сборник. – в 2-х томах. – М.: Изд-во АПН, 1988. Т. II, с. 193).

«К слову, Лев Захарович проявил себя еще и как инициатор утверждения культа личности Сталина – именно ему принадлежит авторство известного лозунга «За Родину, За Сталина!», который был придуман во время пребывания в районе боевых действий у озера Хасан» («Секретные расследования», №2 (200), 2020, с. 10).

Танки в 41-м: сколько их было?

8 мая 2020 года. Открываю газету, весьма мною уважаемую. Читаю: «В среде фальсификаторов наиболее распространенными являются мифы...», «на протяжении десятилетий в публицистике и даже в исторической литературе регулярно появляются материалы...», «как пишут отдельные “историки”», якобы на 22 июня 1941 года вермахт имел 3,5 тысячи танков.

На самом деле так писал целый авторский коллектив – составители 6-томной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945». М.: Воениздат. В т. 2 (1961 г.) на с.9 сообщается, что Германия и ее сателлиты имели «более 3500 танков». О своих – ни слова!

Прошло время и появилось творение нового коллектива: 12-томная «История Второй мировой войны 1939–1945». М.: Воениздат. В т. 4 (1975 г.) на с. 21 имеем таблицу 2:

Танки и штурмовые орудия	Германия	Финляндия, Румыния, Венгрия	Итого
	Более 4000	260	Около 4300

На с. 25 помещена наша цифра: «1475 новых танков КВ и Т-34, а также значительное количество легких танков... устаревших конструкций».

Участники третьего коллектива (составители словаря-справочника «Великая Отечественная война 1941–1945». М.: Политиздат, 1985, с. 10–11) не стали нарушать установившуюся традицию: у Германии и ее союзников – «ок. 4300 танков», у СССР

все те же «1475 новых танков (КВ и Т-34), а также значительное число танков ... устаревших конструкций». Слово «легких» – исчезло!

А что же наша уважаемая газета? Цитирую: «Реально же общее количество боеготовых пушечных танков в западных округах на начало войны составляло около 12 тысяч против порядка пяти тысяч у противника».

За первую цифру – спасибо. Вторая вызывает ряд вопросов. Уравнение «ок. 4300» = «порядка 5000» находится за гранью всякой арифметики. Это – жульничество.

Напомним далее, что общая цифра «ок. 4300» содержит 260, относящихся к Финляндии, Румынии и Венгрии. Не является секретом, что танковый парк Финляндии к началу войны на 80% состоял из советских трофейных машин (которые к новым нельзя отнести ни при каких условиях!). У Румынии – всего 60 французских танков образца 1917 года! С тем же успехом можно назвать танком все, что изготовлено из железа и обладает способностью хоть как-то перемещаться в пространстве. Надо ли продолжать?

Более обобщенную оценку приводит в известных мемуарах Ф. фон Меллентин (М., 2003, с. 209): «Боевые качества наших союзников никогда не переоценивались, а их жалкая техника не могла способствовать повышению их репутации». Поэтому столь мизерную цифру (260) следует просто отбросить и не заниматься (долгими десятилетиями!) оцепиванием комара.

Зачем все эти громоздкие ссылки и выкладки? Цель одна: показать, что автор – в теме и материалом как-то владеет. Все-таки военная кафедра и ВУС № 0102.

А сколько же имелось у немцев? Неужто «порядка пяти тысяч»? Отвечаем: ТI всего 410 единиц (без пушечного вооружения, безнадежный хлам), ТII всего 746 ед. (пушка 20 мм, по воробьям?), чешские трофейные проекта «35» всего 149 ед. и «38» – 623 ед. (полное старье, пушка 37 мм абсолютно неубедительна).

В сухом остатке ТIII – 965 ед. и ТIV – 439 ед. Первый из них с весом 15 т и пушкой 37 мм в класс средних ну никак не втащишь.

Остается ТIV весом 25 т и короткоствольной пушкой 75 мм, которая для борьбы с советскими Т-34 была бесполезна.

Об этом пишет Ф. фон Меллентин (с. 196): «В 1941 году ни один из наших танков не мог сравниться с Т-34, имевшим 50 мм брони, 76 мм пушку с большой начальной скоростью снаряда и обладающим высокой скоростью при прекрасной проходимости».

Зато в весьма уважаемой газете читаем совершенно несуразное: «По количеству средних и тяжелых танков превосходство противника было в полтора раза». О «средних» немецких танках мы уже сказали, а вот тяжелых у них не было ни одного. Поначалу они относили к тяжелым свой ТIV – по наивности. До тех пор, пока не увидели настоящий тяжелый танк.

Не будем, однако, излишне переживать за немцев. Очень скоро тяжелые танки у них появятся. Когда на вооружение вермахта начнут поступать первые трофейные КВ. До пресловутых «Тигров» еще совсем не близко.

...Идут годы, мы ждем какую-то правдивую историю начального периода войны, а нам – в ответ: «Врали и врать будем!»

Но, может быть, все не так уж и трагично? Просто некие зловерные референты и спичрайтеры решили тупо подставить своего непосредственного начальника? А он, за недосугом, просто подмахнул, не читая, явную ересь?

Один из миллионов, прошедших войну

75 лет назад закончилась та война. Срок, более чем серьезный. Поэтому ее реальные события в значительной мере утратили трагизм, живость, остроту. Может быть, именно отсюда – легкомысленный новодельный слоган: «Можем повторить!» Интересно, что бы на него ответили настоящие фронтовики, выжившие в том пекле?

Герои и маршалы давно превратились в легенды, а вот о рядовых участниках войны помнят только близкие родственники. Но как быть с теми, у кого родных не осталось, кто помолится о них?

Случайностей не бывает. «Кто верит в случай, тот не верит в Бога» – эти слова принадлежат святителю Московскому Филарету (Дроздову) и имеют самое прямое отношение к дальнейшей истории.

Я думаю, что некоторые документы и награды Федора Тарасовича Шуськина пришли ко мне не случайно, по достаточно длинной цепочке, через Дворец культуры ветеранов. Сразу возникло желание разузнать об этом человеке больше. И благодаря конкретной помощи начальника архивной службы Вооруженных Сил – директора Центрального архива Министерства обороны Республики Беларусь Бориса Николаевича Горкавого многое удалось.

Передо мною – послужной список офицера, заполненный его собственной рукой. Федор Тарасович Шуськин родился 13 июня 1906 г. в деревне Шоля Красно-Чатаевского района Чувашской АССР (до революции – Курмышевский уезд Симбирской губернии).

В графе «Национальность» читаем: «Чуваш», родным языком считает русский (чувашский). Вольнодумцев и безбожников в чувашской глубинке тогда еще не было. Младенца крестили в положенный срок. Родители дали ему имя Феодор, что в переводе с греческого означает «Божий дар». И, глядя далеко вперед, можно со всею уверенностью сказать: Бог не лишил Феодора Своего дара, но сохранил его в тяжелейших испытаниях грядущей войны.

В графе «Социальное положение» Федор написал – «из крестьян бедняков». Его отец, Тарас Васильевич Шуськин, скончался в 1909 году, а мать Анна ушла из этой жизни в 1917-м. Таким образом, в 11-летнем возрасте Федор стал сиротой.

В 1918 году он окончил 4 класса сельской школы, дальнейшую учебу по понятным причинам продолжать не было возможности. Речь шла о выживании в условиях гражданской смуты и голода.

С какого времени «бытие» стало определять «сознание»? С 1925 года – членство в ВЛКСМ, а уже 16 июня 1929 года Красно-Чатаевским райкомом партии Федор принят в ВКП(б). Практически одновременно, в ноябре того же года, его призывают в ряды РККА: 31-й стрелковый полк Ленинградского Военного Округа. Здесь он проходит службу до мая 1932 года (курсант полковой школы, командир отделения, помкомвзвода). Любопытный и немаловажный эпизод: в 1930 году – ранение на финской границе (войны с «белофиннами» еще как будто нет, но уже постреливают...).

С учетом происхождения, партийности и боевых заслуг направление Федора Шуськина в Полтавскую военно-политическую школу имени Фрунзе явилось вполне логичным и естественным. Красная Армия нуждалась в громадном количестве политработников: необходимо было настойчиво и непрерывно проводить в войсках политику Коммунистической партии, а затем на штыках экспортировать эту полити-

ку по всему миру угнетенных и поработанных «братьев по классу».

Историческая справка

Существовал отдельный табель о «политических рангах». Самой низшей категорией были политбойцы. Они могли быть не только рядовыми, но и ефрейторами или сержантами. Перед отправлением в действующую армию их обучали на курсах специальной подготовки длительностью от двух недель до одного месяца. Политбойцы вступали в состав частей группами по 500 человек на дивизию или по 15–20 на роту.

Следующую позицию занимал заместитель политрука, что соответствовало званию старшины. За ним шли младший политрук (лейтенант), политрук (старший лейтенант) и старший политрук (капитан).

Далее располагались старший и высший командный состав – вплоть до армейского комиссара 1 ранга (выше генерала армии, но ниже маршала).

...Федор проходил учебу с мая 1932-го по октябрь 1934 года (интересная подробность: эту же школу в 1922 году закончил Н. Ф. Ватугин, будущий генерал армии и Герой Советского Союза).

В учебный план входили следующие дисциплины:

I. Общекультурный цикл

1. Русский язык. 2. Литература. 3. Математика. 4. География.

II. Социально-экономический цикл

5. Всеобщая история. 6. История народов СССР. 7. История ВКП(б). 8. Ленинизм. 9. Политическая экономия. 10. Экономическая политика СССР. 11. История гражданской войны. 12. Партийно-политическая работа в РККА.

III. Военный цикл

13. Топография. 14. Тактика. 15. Огневая подготовка. 16. Технические средства борьбы.

По завершении обучения Федор был направлен в Белорусский Военный Округ на должность политрука роты в 79-й стрелковый полк (г. Лепель). На обоих рукавах появились нашивки – «красная звезда с серпом и молотом», а на петлицах – три «кубаря». В это же время он женился на уроженке г. Орша Ольге, в 1936 году у них родилась дочь Лилия.

Репрессии 1937–1938 годов его не коснулись, может быть, потому, что звание и занимаемая должность были не слишком высоки. Как пример: начальник родной Полтавской школы, бригадный комиссар Николай Карлович Лагздин арестован 30 октября 1937 года, а 27 декабря – расстрелян. В этот же период погибли оба армейских комиссара 1-го ранга Я. Б. Гамарник и П. А. Смирнов, все 15 армейских комиссаров 2-го ранга, из 28 корпусных комиссаров репрессированы 25, из них погибли 23, из 97 дивизионных комиссаров репрессированы 79, из них погибли 69 и возвратились из заключения 10. Вот такая партполитработа.

Служба Федора продолжалась: он становится политруком полковой школы, в дальнейшем – временно исполняющим должность ответственного секретаря партбюро полка, в 1938 году на петлицах появляется «шпала» старшего политрука. Перед самой войной он – секретарь партбюро полка.

К войне готовились и по другую сторону границы. 6 июня 1941 года немецкое командование принимает известную

инструкцию о политических комиссарах. В своих мемуарах Эрих фон Манштейн пишет о «приказе ОКВ», суть которого заключалась в том, что в нем «предписывался немедленный расстрел всех попавших в плен политических комиссаров Красной армии – носителей большевистской идеологии». По его же словам «выполнение этого приказа угрожало не только чести войск, но и их моральному духу. <…> Моего мнения придерживались почти во всех соединениях сухопутных войск». И далее: «Попытки отменить этот приказ привели к успеху только много позднее, когда стало ясно, что единственным результатом <…> было то, что комиссары самыми жестокими способами заставляли войска сражаться до последнего».

Известный советский писатель Иван Стаднюк, закончивший в мае 1941 года Смоленское военно-политическое училище (аналогичное Полтавскому), после войны попытался отыскать своих однокашников. Он был буквально потрясен ничтожно малым процентом оставшихся в живых политруков предвоенного выпуска. Большинство из них погибло в 1941–1942 годах. Выжить на передовой было невероятно трудно, почти невозможно. Поднимая бойцов в атаку, политрук получал первую пулю...

Утро 22 июня 1941 года Федор Тарасович встретил в составе 239-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии 3-й армии Западного фронта. Армия располагалась в основании северного фаса печально известного Белостокского выступа. Уже к исходу 22 июня возникла реальная угроза, а на четвертый день войны войска, находящиеся здесь, были глубоко охвачены противником с обоих флангов.

Понесенные крупные потери, расстроенное управление войсками (о чем ниже будет сказано более подробно), неудачно организованная работа оперативного тыла – все эти факторы ослабляли сопротивляемость войск фронта, их отступление принимало неорганизованный характер.

Положение соединений 3-й армии усугублялось трудностями в организации управления войсками, возникшими по причине нарушения проводной связи в первый же час войны. Радиосвязь также отсутствовала, управление частями осуществлялось с помощью посыльных. Связи со штабом Западного фронта в течение двух суток не было. Командование, потеряв контроль над войсками, уже не могло оказывать серьезного влияния на ход боевых действий.

Части и подразделения 27-й дивизии вступили в бой разрозненно и вынуждены были отражать удары противника в отдельных группировках, которые не имели взаимодействия между собой и не были объединены командно. К середине 24 июня дивизия понесла до 40% потерь. Ее остатки осуществили прорыв из окружения сначала на минском, а затем на смоленском направлениях.

Смерть обошла нашего политработника стороной. Посчастливилось избежать и плена, иначе он легко мог попасть под действие немецкой инструкции о комиссарах. В послужном списке Федор Тарасович сообщает о себе следующие сведения: попал в окружение в составе части, был ранен, проживал на оккупированной территории в г. Минске, лечился у знакомых. А из личного листка по учету партизанских кадров узнаем, что в это время он работал чернорабочим на минской электростанции № 2.

Некоторые даты вызывают сомнения и вопросы. Думается, что оказался он в окружении не в октябре 1941 года (немцы уже под Москвой!), а значительно раньше – еще в июне. С февраля 1942 года – в партизанах? Однако в личном листке и в удостоверении партизана Белоруссии записана совсем другая дата: 8 ноября 1943 года (уже после Сталинграда и Курской дуги, война – на Днепре!).

Выжидал, как все сложится и куда повернется? Теперь, задним числом, осуждать за это человека – легче легкого, тогда далеко не один он был такой. Отметим важный момент: в

личном листке, в графе «Время поступления в ВКП(б) <...> № партийного билета» имеется длинный-предлинный прочерк. Уходя в партизаны, решил скрыть партийность и звание старшего политрука? Вписывается ли это в общепринятую, официальную историю всеобщего героизма и самопожертвования? Не мне судить о его личных мотивах и других возможных обстоятельствах, но будучи практически одним из самых возрастных партизан отряда им. Суворова 2-й Минской бригады (а также с учетом звания и воинского опыта), он назначается командиром отделения.

О действиях белорусских партизан написано более чем предостаточно. Отряд им. Суворова действовал в Пуховичском районе Минской области. Федор Тарасович участвовал в боях, выполнял различные поручения командования. В боевой характеристике написано: «Предан социалистической родине».

16 июля 1944 года в Минске состоялся знаменитый партизанский парад, в котором приняла участие и 2-я Минская бригада. Хотя до конца войны оставалось еще долгих десять месяцев – это был настоящий праздник освобождения от гитлеровской оккупации. Любопытная деталь: в Минск самолетом были доставлены 1250 портретов Ленина и Сталина, 2100 плакатов, для оформления наглядной агитации направлены три художника. Навсегда остался в истории козел по кличке Малыш, который шествовал в колонне партизан, украшенный лентой с немецкими орденами.

Одновременно разворачивалась работа по расформированию партизанских сил. У членов и кандидатов в члены ВКП(б), находившихся на оккупированной территории, требуются письменные объяснения об их деятельности в этот период. А Федор Тарасович оказывается слушателем 63-го отдельного полка резерва офицерского состава 3-го Белорусского фронта, проходит необходимые проверки, в ноябре 1944 года получает звание «младший лейтенант». Такая ситуация впол-

не объяснима. Решением Государственного Комитета Обороны от 9 октября 1942 года институт военных комиссаров был ликвидирован, они получили армейские и флотские звания на ступень или несколько ниже.

В должности командира роты Шуськин оказался в составе 294-го стрелкового полка 184-й стрелковой дивизии 5-й армии 3-го Белорусского фронта. Бои в Восточной Пруссии отличались большим упорством. Потери наших войск были велики. Численность дивизий сократилась до двух – трех тысяч человек.

13 января – дата начала общего наступления, а уже 30 января 1945 года Федор Тарасович получает тяжелое пулевое ранение в правое бедро. Война для него закончилась. До Кенигсберга он не дошел. Именно там сложили головы многие из белорусского пополнения призыва 1927 года рождения. А те, кому довелось выжить, в самом скором времени отправились на восток, воевать с Японией. Но это уже совсем иная история.

До июля 1945 года Федор Шуськин находился на излечении в эвакуогоспитале № 2784 в городе Бугульма Татарской АССР. Затем возвратился в Минск к семье, уволился в запас (инвалид II группы), работал в Кагановичском (с 1957 года – Октябрьском) Райсобесе инспектором (затем старшим инспектором). В 1946 году родился сын Владислав. Как память о войне – медали «Партизану Отечественной войны» II степени и «За победу над Германией».

О мирной жизни Федора Тарасовича мы почти ничего не знаем. Но в 1968 году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля в честь 50-й годовщины РККА и ВМФ он был награжден орденом Отечественной войны II степени (как воин, получивший тяжелое ранение, но не имевший других орденов). Так к юбилейным медалям прибавилась высокая государственная награда.

...Раны и невзгоды войны не принесли фронтовикам ни здоровья, ни долголетия. Федор Тарасович Шуськин скончался 4 апреля 1975 года и похоронен на Северном кладбище нашей столицы.

Был ли он верующим человеком? В детстве – несомненно. А на войне, когда смерть – совсем рядом? Помните молитву героя Сергея Бондарчука в фильме «Они сражались за Родину»? А сейчас? Там, где он сейчас, неверующих просто нет. По слову апостола Павла: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу» (1 Кор. 13: 12)

Вспомним же назидание святителя Феофана, Затворника Вышенского: «Никто не поленится помянуть своих родителей, но поминать надо и всех православных христиан <...>. Сами там будем, и понуждаемся в молитве этой, как бедный в куске хлеба и чаше воды <...>. Не поленись же на всякой молитве усердно поминать всех отшедших отец и братьев наших. Это будет от тебя им милостыня».

Молитвенно помянем воина Феодора, в жизни которого своеобразно отразилась целая историческая эпоха, и других участников последней войны, чьи имена ведомы одному Господу.

Аминь.

«Декабристы» маршала Жукова

Теперь, когда исполнилось 75 лет с начала последней войны, я хочу рассказать об одном из русских офицеров, прошедших ее «от звонка до звонка» (в армии с апреля 41-го по май 48-го), об одном из тех, кто потом всю жизнь (умер в 1983 году) носил эту войну в себе как большой осколок, как сон всех ночей, из тех, кто остро и болезненно чувствовал всю фальшь многих «военных» книг, но почти не читал других.

Я хочу рассказать о своем отце, чьи воспоминания о войне помню с самого раннего детства, но которые тогда не додумался записать. А ведь в его военной жизни было многое, о чем у нас до сих пор никто и не сказал, и не написал всей правды. И хотя некоторые названия мест и фамилии ушли из моей памяти, главные события и наиболее яркие детали сохранились.

Василий Ефремович Боянков, белорус, родился 15 ноября 1921 года в деревне Матюты Горецкого района Могилевской области. В 1940 году окончил десятилетку и перед самой войной поступил в Сталинградское военное училище связи. Система обучения (а некоторые преподаватели службу начинали еще в царской армии) была простой и действенной. Будущий офицер должен был пройти через все трудности солдатской жизни, чтобы потом, отдавая приказания солдатам, мог на собственном опыте оценить, что выполнимо, а что нет. Через какой-то месяц гимнастерки курсантов немилосердно выгорели от солнца и пота, а жители Сталинграда, видя новобранцев, браво марширующих по улицам города, считали, что перед ними вояки не первого года службы.

События биографии отца после июня 41-го развивались стремительно. Война, досрочный выпуск в звании младшего лейтенанта и отправка в распоряжение Уральского Военного Округа, где проходила переформирование 162-я стрелковая дивизия. Именно тогда, в качестве командира взвода связи, отец оказался в части, собранной из бывших заключенных. Одна характерная особенность: безоружных, не получивших зимнего обмундирования «зэков» водили на полевые занятия под конвоем, причем конвой не подчинялся отцу, проводившему такие занятия. Вторая особенность: оружие (только легкое стрелковое вооружение) бойцы получили лишь перед непосредственной отправкой на фронт, в дивизии не было ни одного станкового пулемета – одни ручные (фронтвики, военные люди понимают разницу).

В мае 42-го в составе частей Юго-Западного фронта дивизия была брошена на Харьков. Почти без артиллерийской поддержки, зато сполна получив на брата по 100 граммов «наркомовских», она за несколько дней боев потеряла почти весь личный состав, а это по тогдашним нормативам, не менее 10 тысяч солдат. Кстати, пресловутые «наркомовские», получаемые на фронте, и через многие годы напоминали о себе изломанными человеческими судьбами.

Отец легко мог разделить участь многих пехотных «ванек» – взводных, которых часто хватало всего лишь на одну единственную атаку. Но судьба пощадила связиста, распорядилась им иначе. И это при всем том, что в таких боях недавние «зэки» сводили со многими своими офицерами «счеты», стреляя им в спину. Здесь, может быть и не к месту, вспоминается рассказ моей бабушки Марии, которая вместе с дедом Ефремом осталась на оккупированной Могилевщине и летом 41-го недалеко от деревни нашла тело офицера-окруженца, очень похожего на отца. И только не найдя на спине убитого заветных родинок, она поняла, что это – не ее сын.

...Когда на подступах к Харькову наступление выдохлось, произошла катастрофа: гитлеровцы, неожиданно ударив по флангам, окружили части трех наших армий. Немецкие самолеты разбрасывали тогда листовки, выпущенные в виде советских газет, в которых издевательски писалось о присвоении маршалу Тимошенко звания Героя Советского Союза за особые заслуги перед вермахтом.

Так отец оказался в окружении. Вначале в одиночку, а затем с группой таких же окруженцев, голодный и изможденный, шел он по тылам противника к своим. Заходить на хутора или в деревни за продуктами можно было только глухой ночью. Личные документы и лейтенантские «кубари», завязанные в носовой платок, лежали в одном кармане, пистолет без кобуры – в другом. Отец рассказывал, что при первом же окрике «Хальт!» готов был выбросить подальше узелок с документами и застрелиться, но в плен решил не сдаваться ни при каких условиях.

И хотя где-то за Северским Донцом ему удалось выйти к своим – отдыха не получилось. Немцы вновь перешли в наступление и сбросили наших в Оскол. Отцу пришлось переплыть эту реку под огнем немецких мотоциклистов и автоматчиков. Произошло это 24 июня 1942 года у с. Гороховатка Изюмского района Харьковской области. Он выбился из сил, вдоволь нахлебался воды и едва не утонул, поскольку плыл одетым, успев сбросить только сапоги.

Позднее состоялось характерное объяснение с неким комиссаром некоей «политической национальности»: – Где твой комсомольский билет? – Утонул. – Как?! Лучше бы ты сам утонул, а билет свой спас!

Тут отец не смог удержаться и ответил столь многоступенчато и кучеряво, что вопрос о комсомоле (не говоря уже о партийности) никогда в будущем больше не возникал. Так и скончался он беспартийным...

И снова – долгий путь к своим, через Сальские степи к Сталинграду, опасности, лишения (рядом, в глубоком нашем тылу, – восстание калмыков и немцы в Элисте). Наступая вдоль дорог и спеша к Волге, моторизованные части немцев почти не занимались окруженцами.

Не раз вспоминая потом время с лета 41-го до лета 42-го, отец говорил, что в последующие годы «воевать было можно», а вот в первый военный год «он» (т.е. немец) нещадно давил нас авиацией и танками.

...Отец пришел в Сталинград настолько оборванным, что патруль с трудом поверил его офицерским документам. Отношение к стекающимся в город окруженцам, особенно к офицерам, было весьма осторожным, начались их многодневные проверки и допросы в СМЕРШе. Отцу повезло и на этот раз: среди проверяющих оказался один из довоенных преподавателей Сталинградского училища связи. Проверка завершилась положительно, отец получил новое назначение и оказался в составе войск Донского фронта.

Разворачивалось сражение за Сталинград: оборона севернее города (Клетская, Распопинская, Серафимович), контрнаступление и прорыв обороны противника, окружение и ликвидация 330-тысячной группировки Паулюса. С особым чувством отец не раз вспоминал впоследствии имена Родимцева и Чуйкова.

Тяжелые бои разгорелись у немецкого аэродрома возле деревни Мариновка. Длительная оборона и то обстоятельство, что наши и немецкие окопы сближались до предела, способствовали распространению своеобразной «охоты». Отец хорошо стрелял. Взяв ручной пулемет, он по ходам сообщения довольно далеко уходил из своего расположения и, прииская удобную позицию, часами выслеживал перебежавших немцев. Если удавалось подстрелить хотя бы одного, то это всегда давало гарантию на продолжение «охоты»: немцы обязательно старались вынести своего раненого или убитого. Впрочем,

удачливый стрелок частенько «награждался» немецким артиллерийским или минометным налетом.

Зима 1942/43 года была жестокой. Если даже наши солдаты, в валенках, ватниках и полушубках, страдали от холода (отец сильно обморозил пальцы на обеих ногах, ногти оказались пораженными на всю жизнь), то что говорить о немцах, одетых в летнее обмундирование. В еще более худшем положении оказались румыны, венгры, итальянцы, чьи войска располагались на флангах ударной группировки Паулюса (уничжительное сравнение «как пленный румын» стало с тех пор у фронтового поколения своеобразной поговоркой).

После Сталинградской битвы отец был награжден орденом Красной Звезды и медалью за оборону города. До конца войны с гордостью носил он и гвардейский знак.

И снова Украина. В марте 43-го Воронежский фронт наступает, освобождены Курск, Харьков, Львов. Однако после тяжелейших боев наши войска 16 марта были вынуждены вновь оставить Харьков.

На Курской дуге отцу воевать не довелось, его часть стояла в резерве. В дальнейшем в составе 1-го Украинского фронта (образованного после переименования Воронежского) отцу пришлось участвовать в боях под Киевом. Рассказывал он и о Корсунь-Шевченковской операции, но подробности в моей памяти не сохранились.

Весна 1944 года. Вместе со 2-м Украинским фронтом отец воюет в Молдавии. Где-то там (мне почему-то помнится румынское местечко Ботошани) он познакомился со своей будущей женой, моей матерью, которая работала в военторге.

Румыния, Венгрия, совсем рядом – бои за Будапешт и у озера Балатон, Чехословакия, освобождение Праги в мае 1945-го. Как любили тогда русских в Чехословакии! Местное население буквально носило освободителей на руках. Злата Прага и вальс «Дунайские волны», чувство Победы пьянили. Армейская молодежь с гордостью носила офицерские погоны.

Именно тогда в Праге, заместитель Деникина, престарелый генерал и монархист Н. Н. Шиллинг, увидев наших генералов и офицеров с золотыми погонями, солдат, по форме одетых, перекрестился и сказал: «Стоит Россия!»

В такой обстановке в среде молодого офицерства возникло удивительное явление, своеобразный «декабризм» – по крайней мере, так, как его трактуют наши школьные учебники. Победоносная Красная Армия пришла в Европу и нашла там (в особенности в Венгрии и Чехословакии) поразительное для военного времени богатство товаров и продуктов, очень высокий уровень зажиточности. Кроме того, армия не забыла ничего из недавней истории: ни принудительной коллективизации крестьянства, ни предвоенного истребления своего командного состава и катастрофической военной некомпетентности подавляющего большинства комиссаров, с которыми в первые годы войны вынужденно делили власть профессиональные военные. Огромного позора и крови стоили армии ворошиловы, буденные, тимошенки, кулики, мехлисы – «герои» братоубийственной гражданской войны и ГУЛАГовских пятилеток.

И вот некоторые командиры батальонов и полков, люди, непосредственно связанные с солдатами и могущие повести их за собой, образуют некий «Союз русских офицеров». Как рассказывал отец, они ставили своей целью, «пока армия у нас в руках, – убрать Сталина», отстранить от власти партию, сделать единоличным правителем Г. К. Жукова – человека, которого армия буквально боготворила, уничтожить колхозы и вернуть землю крестьянам.

Говорили, что об этих настроениях было известно и самому Георгию Константиновичу. От него ждали последнего слова, приказа «Вперед!». Но такого приказа не последовало. Наиболее высокопоставленные сторонники Жукова были арестованы, многих досрочно демобилизовали, удалили из армии, и о дальнейшей их судьбе отец ничего не знал. Сам он

отделался отеческим «разъяснением» командира части (тот в весьма крепких выражениях оценил всю наивность этой затеи), поскольку и по званию (старший лейтенант), и по должности был менее причастен к данному делу.

Задним числом, анализируя известные мне скудные сведения, я думаю: а не было ли это тонко продуманной провокацией ведомства Берии? Ведь довольно явно проступают прямые аналогии с декабристами XIX века. После победоносной войны 1812 года мировому масонству удалось заморочить головы цвету русского офицерства и дворянства. Кто знает, не было ли организовано и в конце прошлой войны нечто подобное? Ведь, кажется, Авторханов сказал, что люди, взявшие Берлин, могли взять и Москву...²

К середине 1946 года Г. К. Жуков из первого заместителя Верховного Главнокомандующего сделался всего лишь командующим Одесским Военным Округом, штаб которого был сформирован на базе управления 2-го Украинского фронта. Там на короткое время пересеклись судьбы моего отца и Георгия Константиновича. Часто дежуря по Одесскому гарнизону, отец обеспечивал связь в штабе округа и близко наблюдал опального Жукова. Вот некоторые интересные подробности. У Жукова были два адъютанта – «порученца»: один – армейский, другой, ему не подчинявшийся, – из службы безопасности. Шофером его машины тоже был офицер с синими петлицами. Такие же петлицы были и у его охраны: командир охраны не подчинялся Жукову... Вот под каким бериевским «колпаком» оказался герой полководец.

П. Судоплатов пишет об этом: «Снятие Жукова имело далеко идущие последствия. Это было началом кампании по развенчанию ряда военачальников – героев Великой Отече-

² «Собственных солдат Сталин боялся не меньше, чем Гитлера в начале войны. “Эти люди взяли Берлин, они могут взять и Москву”, – эта мысль не покидала его до последнего вздоха в Кунцеве». А. Авторханов. Загадка смерти Сталина (Заговор Берия).

ственной войны. Так Сталин хотел избавиться от потенциальных врагов» (подчеркнуто мною. Потенциальных, а не реальных? – П.Б.).

В приказе Министра Вооруженных Сил СССР от 9 июня 1946 года за подписью И. Сталина читаем: «Маршал Жуков, будучи сам озлоблен, пытался группировать вокруг себя недовольных, провалившихся и отстраненных от работы начальников и брал их под свою защиту, противопоставляя себя тем самым правительству и Верховному главнокомандованию».

Почему после войны Жуков оказался именно в Одессе?

Коммунистический «царь» отправил его туда в ссылку как Пушкина? Нет, все отнюдь не так просто. Опальному маршалу давался хороший шанс на «реабилитацию»: Сталин планировал наказать Турцию за ее откровенно прогерманскую позицию в 1941–1944 гг. Он хотел завладеть «проливами» и создать на малоазийском полуострове «Великую Армению». Сюда же следует отнести и казус с задержкой вывода советских войск из Ирана (Иранского Азербайджана), и интриги с курдскими повстанцами.

Но американцы имели в активе атомную бомбу – в конечном итоге генералиссимусу пришлось давать задний ход.

Пользуясь случаем, скажем несколько слов и о нашумевшем сериале «Ликвидация». Имеет ли сюжетная канва этого фильма какое-либо реальное отношение к Одессе 1946 года? Думается, что практически никакого. «Лесные братья», повстанцы – в Одессе? Предельно невероятно. В городе хватало советских войск и самой актуальной задачей был «развод» сухопутных вояк от флотских, когда они по выходным дням дружно отправлялись в увольнения. Центральный парк культуры и отдыха имени Т. Г. Шевченко превращался тогда в арену рукопашных выяснений, кто из них круче отличился в минувшую войну. Отец, как связист (т.е. «нейтральное лицо»), в сопровождении караула автоматчиков часто выполнял при этом роль арбитра и третейского судьи. Имело место

и рукоприкладство (не арестовывать же своих подгулявших «братишек-славян»?). Какая, в самом деле, «ликвидация»? Она действительно была, но... во Львове 1944 года, сразу после освобождения города. Тогдашний нарком внутренних дел Украины В. С. Рясной рассказывал: «Во Львове не было покая. Днем и ночью бандиты врываются в квартиры, грабят, убивают. Наших солдат режут, офицер сидит в парикмахерской – ему по горлу бритвой... Меня вызывает Хрущев: “Ну что будем делать?” “Глаза закройте, я сам все сделаю”, – отвечаю ему.

А что я сделал? Отобрал, сколько нужно своих людей, мужчин и женщин, вооружил их, мужчин одел в великолепные пальто и макинтоши, а то и в кожаные регланы, женщин – в самые что ни на есть норковые шубы. И вышли они вечером на Львовские тротуары. Подходят бандюги к такой дамочке: “Снимай шубу!” А она – р-раз! В лоб из пистолета... К утру трупы убрали и составляли рапорт, сколько шлепнули».

Вот так «демократичный» Хрущев умел в случае необходимости «закрывать глаза». Таким образом, если в Одессе при Жукове и было нечто подобное, то первенство и авторство этого действенного метода принадлежало явно не ему.

Здесь, в Одесском округе, и завершилась через несколько лет после Победы военная служба моего отца. Война вобрала в себя лучшие годы молодости, стала настоящим пиком его жизни. Впереди была демобилизация, другая, мирная жизнь, будни, разочарования, работа на незаметных должностях...

Судьба одного из множества фронтовиков. Вечная им память – солдатам, спасшим тогда Отечество.

Я заканчиваю этот очерк с мыслью о тех фронтовиках-«декабристах», кто еще жив и мог бы наконец рассказать об этой малоизвестной странице послевоенной истории. Возможно, где-то на архивных полках пылятся соответствующие «досье», донесения сексотов, протоколы допросов и другие

документы. Правду о минувшей войне можно попытаться узнать и из них...

Необходимое послесловие

Данный материал был впервые опубликован в газете «Во славу Родины» 7 августа 1992 года и вызвал многочисленные отклики. В редакцию стали звонить люди старшего поколения. Доминировала лишь одна мысль: такого быть просто не могло, мы все до одного были честными партийцами и с именем Сталина поднимались в атаку.

Прошло еще 20 лет и после публикации в «Русском вестнике» (№ 1, 2012) выяснилось, что все эти старые и новые ветераны-сталинисты из нашей жизни никуда не исчезли и продолжают исходить праведным негодованием. Спорить с ними просто бесполезно. Отец говорил совсем о другом: «Если за всю войну какой-нибудь политрук и крикнул однажды “За Родину”, то и очень хорошо, а “За Сталина!” я не слышал ни разу. Как вставали в атаку? Растакую мать-перемать! Подымайтесь славяне! Вперед! А не поднимешься, так командир пристрелит как труса и будет прав, на то у него и пистолет в руке».

Беру в свидетели настоящего фронтовика-окопника Виктора Астафьева. В своем газетном интервью (1988 г.) он сказал буквально следующее: «А чтобы кричали в атаке “За Сталина!”... Да не до этого там, не до этого! То ли звук какой-то “а-а” или “о-о”, или матерятся. Даже немцы, идя в атаку, матерились по-русски, паразиты! Гвалт стоит, хрип, человеческого мало. Как верно написал мне один командир роты из-под Тамбова – ведь в атаку идут полусумасшедшие люди, оставившие в окопах разум. И здесь помнить о товарище Сталине, кричать “Ура” – это все глупость несусветная. Какой Сталин! Какие из-за него размежевания! Чего глупости-то говорить»...

Однако с тех пор послевоенная судьба маршала Жукова (получившего в те годы в народе прозвание «Георгия Победоносца») и его соратников перестала быть «закрытой» темой. Вышли в свет воспоминания К. Телегина о своем отце – генерал-лейтенанте К. Ф. Телегине, арестованном 24 января 1948 года и осужденного 20 марта 1952 года. Четыре с половиной года жесточайших допросов с одной только целью – добиться «компромата» на Жукова (см. К. Телегин. Прочерк в биографии. – В кн.: Время и судьбы. Вып. 1. М.: Воениздат, 1991, с. 333–347). Известный писатель Владимир Карпов (в прошлом – кадровый работник ГРУ) в своей книге «Маршал Жуков. Опала» (М.: Вече, 1994) также приводит целый ряд подробностей по «делу» Жукова. Первая попытка расправы с «Георгием Победоносцем» была предпринята непосредственно в 1946 году, когда в ночь с 22 на 23 апреля был арестован дважды Герой Советского Союза, Главный маршал авиации А. А. Новиков (всего в «деле» – 75 человек! Цель все та же – «компромат» на Жукова). Вторая попытка – в 1948 году при аресте уже упоминавшегося К. Ф. Телегина.

Сам Георгий Константинович вспоминал: «В 47-м каждый день ожидал ареста. Подготовил чемоданчик с бельем. Посадили всех моих близких сотрудников. Тогда ведь как было? Судьбы людей решались за обедом или вечером за ужином. Говорили о каких-то делах, называли фамилии людей. Вдруг Сталин говорил: “Лаврентий, прими меры”. Берия встает и выходит в соседнюю комнату. Набирает номер телефона: “Иванова, Семенова, Степанова”. И в тот же вечер этих людей сажали». (Маршал Жуков: полководец и человек. Сборник. – В 2-х томах, – М.: Изд-во АПН, 1988. Т. II, с. 54).

Но наиболее содержательной и интересной является статья В. Звягинцева с характерным названием «Инакомыслящие генералы» («Человек и закон», №4, 1993, с. 28–42), в которой автор описывает историю «массового истребления генералов-победителей в послевоенный период». Только в

1950–52 гг. было осуждено более 50 генералов (!). Помимо вышеназванных Новикова и Телегина, среди них – Герои Советского Союза генерал-лейтенант В. В. Крюков и генерал-полковник В. Н. Гордов, генерал-лейтенанты В. Г. Терентьев и Л. Ф. Минюк, генералы А. А. Филатов, Ф. Т. Рыбальченко и др. Большинство из них физически принуждали признаться в подготовке вместе с Жуковым военного заговора против Сталина. Становится совершенно очевидным, что недра архива Военной Коллегии и по сей день скрывают множество тайн о бесследно исчезнувших людях, их трагических, изломанных судьбах. К такому выводу приходит военный юрист В. Звягинцев. Следовательно, загадка «декабристов» маршала Жукова еще ждет своих исследователей.

Еще одно авторитетное подтверждение я нашел в книге личного переводчика И. В. Сталина – Валентина Бережкова (см. «Рядом со Сталиным». М., 1998, с. 414–415).

Обладая значительно большей информацией чем я, он писал буквально следующее: «Думаю, что Сталина преследовал “призрак декабристов”. В Отечественной войне 1812 года сотни тысяч русских офицеров и солдат дошли до Парижа. По пути они познакомились с жизнью различных народов Западной Европы, с условиями, резко отличающимися от крепостнического строя России <...> И спустя несколько лет произошло восстание декабристов на Сенатской площади.

Теперь миллионные советские армии дошли до Берлина, Вены, Праги, Будапешта, прошли через территорию многих западноевропейских государств. Они увидели, что даже после пяти лет разрушительной войны и гитлеровской оккупации жизнь там оказалась совсем не такой беспросветной, как рисовала наша пропаганда, что в массе население жило лучше, чем советский человек. <...> И “вождя народов” беспокоило, что же будет, когда эта масса, которую он почти двадцать лет держал в изоляции и неведении, теперь вернется домой и начнет сравнивать?

Заботило его и другое. На войне многие освободились от комплекса неполноценности, от привитого им аппаратом рефлекс ждть указаний сверху. Даже простой солдат из чувства самосохранения должен был нередко принимать сам решения и действовать по обстановке. <...> Привело это и к избавлению от страха».

Так, имея весьма неравноценные возможности для анализа событий, мы независимо друг от друга пришли к полному совпадению в итоговых выводах. Господь же сказал: «А в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно» (Ин. 8: 17).

Дыма без огня не бывает. Жуков использовал свой огромный авторитет в армии дважды: при аресте Берии в 1953 году и защите Хрущева в его известном конфликте с антипартийной группой Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шипилова в 1957 году.

«Демократичный» Хрущев не замедлил расплатиться, в октябре 1957 г. были озвучены «бонапартизм» и «тенденция товарища Жукова к неограниченной власти». Микоян сказал тогда на пленуме: «Откровенно говоря, мы боимся Жукова». Последовала вторая опала – на сей раз пожизненная.

В этот момент судьбы маршала и моего отца косвенно соприкоснулись еще раз.

Как было дело? Жукова в ранге Министра обороны и члена Президиума ЦК направляют с официальным визитом в Югославию и Албанию на крейсере «Куйбышев». В его отсутствие приводится в действие план Хрущева: маршала убирают со всех постов.

А в это время в Минске, на общей кухне коммунальной квартиры собрались за рюмкой трое офицеров-отставников, один из которых мой отец, а другой – наш сосед, отставной чекист (неужели такие бывают? – спросит недоверчивый читатель и будет абсолютно прав!).

В общем разговоре отец высказался в том духе, что если Жуков в чем-то и виноват, так надо было и заявить ему об этом прямо в глаза, а не действовать за его спиной, что выглядит как-то нехорошо.

«Бдительный товарищ», как потом выяснилось, решил улучшить свои жилищные условия и «стукнул» куда надо. Напомним, что «во дни оны» семья арестованного могла быть просто выброшена на улицу... Но времена и обстоятельства изменились. Отца не тронули, хотя он и попал на некоторое время в оперативную разработку. Семья перестала получать письма, начались негласные проверки и опросы сослуживцев. Кроме сказанных в застолье неосторожных слов другого «компромата» обнаружить не удалось. Где-то через полгода один начальствующий благодетель поставил отцу на вид: «Думай, с кем ты пьешь и что при этом говоришь!»

О, незабвенные времена и незабвенные нравы!

«Аргументы и факты в Беларуси» (№ 46, 2010) вынесли в заголовок этой статьи ключевую фразу: «Почему полководец не отдал приказ “Вперед!”». Кто-то сказал о Жукове, что в первую очередь он был коммунистом и только во вторую – русским. При ином раскладе история нашей страны могла сложиться иначе.

За последние годы других свидетельств о существовании «Союза русских офицеров», этих «декабристов» маршала Жукова, обнаружить не удалось.

Церковь и власть: 1941–1945 годы

Заранее оговоримся: данная тема весьма и весьма болезненна. Чтобы приблизиться к указанным временным рамкам мы начнем с некоторых исходных позиций. Будем, по возможности, кратки.

...Историческая Россия была погублена в 1917 году. И не в октябре, а еще в феврале. Это – отправная точка. «А если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая» (1 Кор. 11: 16).

19 января (2 февраля) 1918 г. смиренный Тихон, Божией Милостью Патриарх Московский и всея России, в своем послании обращается к большевикам с такими словами: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это поистине дело сатанинское (подчеркнуто мною – П.Б.), за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной.

Властью, данную мне от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем (подчеркнуто мною – П.Б.) вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение».

И никакими последующими «декларациями» эту анафему не отменить.

Все дальнейшие события, вплоть до самой войны, можно наглядно оценить, изучив даты кончины святых, входящих в Собор новомучеников и исповедников Российских (по календарю 2011 г.).

Эти списки содержат свыше 1800 человек (святых!), а за ними еще тысячи и тысячи людей, простых верующих, невинно убиенных священнослужителей и мирян³. Как в зеркале отражается здесь вся страшная напасть, постигшая наш народ в 1917 г., а ведь Церковь всегда разделяла с народом его судьбу.

Первый период: 1917–1922 годы, революция, гражданская война и явный пик – год красного террора 1918-й. Всего за эти 5 лет – приблизительно 33% от всего списка смертей.

Второй период: 1923–1927 годы, пять лет некоторой относительной передышки, НЭП, единичные случаи смерти.

Третий период: 1928–1934 годы, семь лет «великого перелома», коллективизация, раскулачивание, и, одновременно, новый удар по Церкви, приблизительно 6% от всего списка смертей.

Два года – 1935-й и 1936-й сравнимы по смертям с пятью годами второго периода (см. выше).

Четвертый и самый страшный период: всего два года – 1937-й и 1938-й – 55% смертельного списка. К ним примыкают 1939-й и 1940-й, каждый из которых по отдельности сравним с 1922-м (годом расстрельных процессов при конфискации церковных ценностей), все это – шлейф за 1937–1938 годами, как хвост зловещей кометы.

Так в результате безбожных пятилеток земная, человеческая составляющая Церкви была поставлена властью на грань полного физического уничтожения. На свободе остались все-

³ График гонений на православных христиан, построенный на основе базы данных Православного Свято-Тихоновского университета «За Христа пострадавшие», подтверждает мои расчеты (см. журнал «Фома», № 3, 2012, с. 27).

го 4 правящих епископа, включая самого митрополита Сергия (Страгородского), в отношении которых накопилось столько «признательных» показаний, что их арест был просто неминуем. Недоброй памяти декларация 1927 г. никого не спасла.

Но грянула война. Ее начало 22 июня 1941 года стало для подавляющего большинства рядовых советских граждан полной неожиданностью. Правда, не для всех.

Например, 21 апреля 1941 года один из будущих защитников Брестской крепости писал в письме к брату: «Время в данный момент – самый разгар второй империалистической войны, на краю этой войны находимся и мы». Такую чеканную формулировку могли подсказать бойцу только его отцы – комиссары. Оказывается, война эта перестала быть империалистической лишь после вступления в нее советской империи Сталина...

Имелись, однако, и люди, абсолютно компетентные. «В данный момент, – говорил Ф. Рузвельт в августе 1941 года (т.е. до вступления США в войну! – *П.Б.*), – основные игроки – это русские, китайцы и, в меньшей степени, англичане. Нам предназначена роль игроков, которые вступят в игру в решающий момент». Вот мнение человека не просто знающего, но посвященного. Сценарий всей войны был ему хорошо известен заранее.

А его (Рузвельта) сменщик на посту президента Г. Трумэн в газете «Нью-Йорк Таймс» от 24 июня 1941 года изрек: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Здесь мы сознательно удержимся от любых комментариев – они увели бы нас в опасные глубины и потребовали бы написания отдельной статьи...

Напоследок – еще одна яркая деталь.

Говоря о нападении гитлеровской Германии на СССР, легендарный советский разведчик Ким Филби в книге «Моя тайная война» приводит характерные сомнения своих британских коллег: «На чью сторону встать, когда Сатана пошел войной на Люцифера?» И далее: «Самое разумное для рядовых англичан было подождать, пока выскажется премьер-министр.

Черчилль разрешил проблему. Когда он кончил речь, Советский Союз уже стал союзником Англии».

Вот так Черчилль, лишенный всяких иллюзий прагматичный политик, сделал ставку на Люцифера и, как скоро выяснилось, не ошибся.

Тот же выбор оперативно сделал и митрополит Сергей, хотя руководствовался он, скорее всего, другими соображениями. Возможно, он вспомнил следующие евангельские слова: «Если сатана сатану изгоняет, то он разделится сам с собою: как же устоит царство его?» (Мф. 12: 26).

Тем не менее, в годы войны и сразу после нее гонения на Церковь не прекращались. Пятый период: 1941–1945 годы дает 6% нашего списка, что сравнимо с 7 годами третьего периода (см. выше). Особенно выделяются 1941–1943 годы. Из всех лагерных «эпох» самая страшная – война: «Кто в войну не сидел, тот и лагеря не отведал».

С начала войны скудный лагерный паек был жестко урезан, ухудшилось и качество самих продуктов. Как прямое следствие – повышенная смертность (в 1942 году она составила 25%, а в 1943 г. – свыше 20%). В те годы с одобрения лагерного начальства всех заключенных по знаменитой 58-й статье (а с ними и «церковников») звали на зоне «фашистами». Самое расхожее лагерное обращение к ним – «фашистская морда, фашистская сволочь».

Однако с учетом массового открытия храмов на оккупированных немцами территориях некоторые нюансы и декорации безбожной политики пришлось видоизменять.

Антицерковная политика была на время смягчена, ведь речь шла о выживании и сохранении советской власти. Церкви милостиво разрешили молиться о даровании победы, развернуть сбор народных средств и пожертвований на создание танковой колонны и эскадрильи военных самолетов, на подарки бойцам, на содержание раненых и сирот. Позволено было выступать с проповедями и воззваниями патриотического характера. Главное сохранить над Церковью жесткий контроль, возможность манипулировать ею в пропагандистских целях, «не допустить использования Церкви как организации, в качестве пятой колонны в нашем тылу». Поэтому во время войны власть еще смотрела на благотворительную деятельность Церкви сквозь пальцы, но после победы постаралась как можно быстрее свести ее к минимуму (шефство Церкви над госпиталями было свернуто уже в 1943–1944 годах).

Но вчерашние гонители отнюдь не изменили модель церковно-государственных отношений и признали за Церковью право лишь на временное существование. Власть, допустив избрание Патриарха (угодного ей!), открытие некоторых приходов и духовных школ, только на время отложила свои планы полного разгрома Церкви и ее окончательного устранения из жизни народа. Впоследствии хрущевская «оттепель», а для Церкви – жестокая стужа, стала неопровержимым тому доказательством...

Из лагерей была выпущена лишь часть священнослужителей. Представляя всю изощренность той системы, можно утверждать, что освобождали тех, кто был готов к самому тесному сотрудничеству и давал соответствующую подписку. Люди более принципиальные и отвергшие в свое время декларацию 1927 г. сидели до самого конца (если выживали), а после войны повсеместно попадали в разряд «повторников».

Еще один пример. 27 октября 1943 года Патриарх Сергей обратился в Совет по делам РПЦ к Г. Г. Карпову (полковник НКГБ, специалист «по борьбе с церковно-сектантской контр-

революцией»!) с просьбой об амнистии 26 человек (их них 24 епископа, 1 архимандрит и 1 иеромонах). Оказалось, что из этого скорбного списка к тому времени уцелел лишь один человек, все остальные были расстреляны в достопамятные 1937–1938 годы.

К сожалению, нашлись и те, кто понимал свой патриотический долг достаточно своеобразно: регулярно и осознанно «стучал» на своих церковных собратий, заслужив наравне с другими правительственные награды.

Неординарный пример патриотизма представляет собой деятельность архиепископа Василия (Ратмирова). Находясь на Калининской кафедре во время немецкой оккупации, он активно сотрудничал с советскими органами безопасности, участвуя в операции по внедрению к немцам советских разведчиков под видом церковнослужителей («рукополагал» чекистов), за что и получил золотые часы (в 1944–1946 годах – архиепископ Минский и Белорусский).

А как же сам «святой Иосиф», он же «ученик афонских старцев», он же «член тайного православного ордена»? Лично Сталин никоим образом не изменил взглядов на Церковь и религию. Вот вам убедительный пример – один из эпизодов Тегеранской конференции 1943 года.

В одной из бесед Черчилль заявил: «Я полагаю, что Бог на нашей стороне. Во всяком случае, я сделал все для того, чтобы Он стал нашим верным союзником...» Сталин поднял голову, с хитрецей посмотрел на Черчилля, сказал: «Ну, а дьявол, разумеется, на моей стороне. Потому что, конечно же, каждый знает, что дьявол – коммунист! А Бог, несомненно, добропорядочный консерватор...». Умри, но лучше не скажешь!

В свою очередь далеко не все православные люди смогли забыть о личных трагедиях и перенесенных страданиях. Но кто возьмет на себя ответственность и осудит их? Начавшаяся война всколыхнула в народе все накопившиеся счета и обиды, что выплеснулось на оккупированных территориях настоящи-

ми волнами взаимной злобы. Классовая борьба и классовая ненависть сплотить людей не могли по определению.

Из двух возможных зол не всегда можно было выбрать меньшее. В первый момент в немцах видели своих освободителей и встречали их цветами, хлебом и солью. Тем более горьким и быстрым было отрезвление.

...Жаркий июнь 41-го. Белоруссия. В колонне советских заключенных, этапиремых на восток, раздались выкрики «Да здравствует Гитлер!». Начальник тюрьмы отреагировал так: около ближайшего леса из 916 подконвойных 600 «крикунов» были расстреляны. Свидетельствует ли этот факт о поголовном патриотическом подъеме? А ведь это – только один из многочисленных случаев внесудебных расправ с «зэками» тем летом.

А судьба миллионов наших военнопленных, оказавшихся просто в отчаянном положении? Это о них «отец народов» сказал: «У нас нет пленных, а есть изменники Родины».

В конце 1941 г. в плену около 3,5 млн. советских солдат. В 1942 году к ним прибавилось еще более 1 млн., а всего за период войны – свыше 5,7 млн. В фашистских лагерях смерти погибло 2 млн. 543 тыс. советских военнопленных (по другим данным – свыше 3,5 млн.). За этот же период в советских лагерях жизни умерло 1 млн. 710 тыс. «зэков» и расстреляно по приговорам военных судов 135 тыс. человек.

Ненависть и безысходность толкали людей к вступлению в ряды гитлеровской армии. Всего за годы войны в германских вооруженных силах граждане СССР составляли: «Хиви» (добровольные помощники) – 665–675 тыс. человек, вспомогательная полиция порядка 390–400 тыс., вермахт – 385–390 тыс., войска СС – 85 тыс.

Некоторая часть верующих отождествляла советскую власть с властью антихриста. Наивно и преждевременно, конечно, ну а по сути? Они восприняли нападение нацистской Германии на Советский Союз как «карающий меч», обрушив-

шийся на «антихристову власть». Чтобы ускорить ее падение, они уклонялись от службы в Красной армии, прятались долгие годы в погребах и подвалах, иногда сотрудничали с оккупантами.

В ряде районов Рязанской, Воронежской и Орловской областей (позднее эти районы вошли в состав Липецкой области) во время боев на Курской дуге эти люди с нетерпением ждали прихода немцев как своего избавления от «власти антихриста», а разгром гитлеровской армии восприняли как наказание за собственные грехи. Тогда они решили усилить покаянные молитвы, целыми семьями затворились в своих избах, замуровали их окна. В таком добровольном затворе они находились около года, до тех пор, пока летом 1944 года не были депортированы в восточные районы страны. В результате этой операции в Омскую, Новосибирскую области, Алтайский и Красноярский края были выселены 1673 человека.

...Ненависть духовно ослепляет, но «кто-то» очень сильно потрудились, чтобы довести собственных сограждан до такого состояния.

Именно поэтому Церковь на оккупированных территориях оказалась в весьма непростой ситуации. В качестве примера – Белоруссия. Архиепископ Афанасий (Мартос) вспоминал: «Положение белорусского духовенства, особенно в селах, было чрезвычайно тяжелым. С одной стороны – партизаны, которые смело ходили по деревням и грабили население и духовенство, с другой стороны – немецкая жандармерия и подразделения СД, которые вели борьбу с партизанами и сурово расправлялись со всеми, у кого партизаны бывали».

Во время карательных экспедиций в Гомельской области были сожжены 19 церквей и в самом Гомеле 2 храма. В бывшем Освейском районе Витебской области сожжено 5 церквей. В ходе только одной операции, проводившейся в Пинской области (февраль 1943 г.), было сожжено около 70 деревень и 14 церквей. В деревне Вулька 47 жителей, включая местно-

го священника и его семью, согнали в церковь и заживо сожгли. Более 300 жителей деревни Хоростово (ныне Минской области) вместе со священником Иоанном Лойко сожжены в местном Свято-Покровском храме на праздник Сретения Господня...

В тех случаях, когда немцам становилось известно о сотрудничестве священников с партизанами, их ждала смерть. Так были замучены и убиты священники Павел Сосновский, Александр Волосович, Павел Щерба, Петр Бацян, Владимир Назаревский и многие другие.

Тем не менее священники оказывали партизанам существенную помощь: передавали продукты питания и медикаменты, предоставляли убежище и лечение раненым, укрывали военнопленных, помогали молодежи избежать угона в Германию, выдавали справки о благонадежности и т.д. Среди них – священники Николай Хильтов, Борис Кирик, Виктор Бекаревич, Василий Копычко, Александр Романушко.

С другой стороны, печальная статистика свидетельствует и о том, что партизаны жестоко карали тех священнослужителей, кто, по их не всегда ответственному мнению, сотрудничал с оккупантами. По неполным данным партизанами было расстреляно 42 священника.

Что было потом? Пример – Минск. С приходом Красной армии церкви св. великомученицы Екатерины (ныне Свято-Петро-Павловский собор) и св. равноапостольной Марии Магдалины были немедленно закрыты. Возобновились и репрессии против духовенства. Предвосхищая это, весь белорусский епископат ушел на Запад и оказался в эмиграции.

Шла жестокая война и не только на полях сражений, но и в душах людей. Повторимся: кто решится здесь на однозначные оценки и приговоры? Для нас представляется небезынтересным мнение А. И. Деникина: «Испокон века русский человек был смышлен, талантлив и нутром любил свою родину. Испокон века русский солдат был безмерно вынослив и само-

отверженно храбр. Эти свойства человеческие и воинские не смогли заглушить в нем 25 советских лет подавления мысли и совести, колхозного рабства, стахановского изнурения и подмены национального самосознания интернациональной догмой. И, когда стало очевидным для всех, что идет нашествие и завоевание, а не освобождение, что предвидится только замена одного ярма другим (подчеркнуто мною – П.Б.) – народ, отложив расчеты с коммунизмом до более подходящего времени, поднялся за русскую землю так, как поднимались его предки во времена нашествия шведского, польского и наполеоновского...

Под знаком интернационала прошла бесславная финляндская кампания и разгром Красной армии на путях к Москве; под лозунгом защиты Родины произошел разгром германских армий.

Я лично приветствую народный подъем в деле защиты России, радуюсь победам ее над немцами, желаю окончательного их разгрома, но не перестану осуждать – дондеже есмь – большевистскую систему удушения русского народа.

Война, начавшаяся походом «Сатаны» на «Люцифера», в мае 1945 г. общими усилиями завершилась победой в самом «логове». Но досталась эта победа настолько дорогой ценой (о ней поют в известной песне – «не постоим!»), что реальные цифровые значения от нас до сих пор скрывают (Сталин озвучил цифру 7 млн., Хрущев – 22 млн., Горбачев – 27 млн., кто больше и где правда?).

А вот с «Люцифером» все оказалось намного сложнее. Победный май 45-го явился только промежуточным финишем, в декабре 1991 г. страна подверглась полному разгрому, бесславно капитулировала, была разделена на целый ряд оккупационных зон, управляется соответствующей администрацией, исправно платит триллионные репарации – горе побежденным!

Излишне жесткие формулировки? Но книга А. И. Солженицына «Россия в обвале» значительно жестче...

Между тем Церковь сумела одержать в этой войне свою, личную победу. Она смогла не только организационно укрепиться, но и занять определенное место в «безбожном» обществе, несколько упрочить свое положение и влияние в стране.

Однако не хитросплетенная политика, не псевдопатриотическая ура-пропаганда, не «борьба за мир во всем мире», не систематическое хождение на совет нечестивых, но подвиг прославленных и непрославленных, ведомых и неведомых новомучеников и исповедников Российских сделал возможной эту победу. Настоящими исповедниками были и те 56,7% граждан СССР, объявивших себя верующими по результатам переписи страшного 1937 года.

Интересно, что некоторые исповедники, пережив время открытых гонений, мирно отошли ко Господу в конце 50-х, 60-х и начале 70-х годов, пережив, тем самым, и большинство своих гонителей.

В те годы явилось на свет Божий и наше поколение. Свидетелями и непосредственными участниками всех последующих событий довелось стать нам.

Церковь устояла, ее спасительная миссия продолжается.

Трудные слова о войне

Наше поколение, по милости Божией, до сих пор не увидело ужасов войны. Впечатления о последней из них чаще всего складывались под влиянием советских фильмов и советских книг, намного реже – из рассказов настоящих фронтовиков.

Вот главное из их устных и записанных воспоминаний: страх смерти на войне быстро притупляется под воздействием изнурительного, надрывного физического труда, совсем не редких голода, холода, бессонницы, вшей. Военные будни в памяти оставшихся в живых рядовых бойцов занимают гораздо большее место, чем героические подвиги.

Шапкозакидательские реляции высокого начальства уже давно не вызывают доверия. Разного рода «Воспоминания и медитации», писанные-переписанные под бдительным оком идейных надсмотрщиков из Главного Политуправления, сегодня способны ввести в заблуждение лишь самых доверчивых людей. На первый план вполне заслуженно выходят книги Виктора Астафьева, «неубиваемого» Петра Михина и других участников (в прямом смысле слова) той войны. Ниже помещены краткие выдержки из их фронтовых впечатлений, характерные штрихи и отметины, составляющие своеобразную мозаику тех давних событий. Теперь это стали называть «окопной» правдой. Эта правда не ставит целью приуменьшить Победу 45-го, но говорит о реальной ее цене.

У войны свое лицо

...Сломленные бедой, люди брели на восток. Все потерявшие, горем оглушенные, голодные и обессиленные, с одной

мыслью: выжить. Дети с душами стариков и недетской тоской в глазах, старики, превратившиеся в детей. От одного их вида накатывала то лютая ненависть к немцам, то вдруг охватывало мертвящее безразличие: пусть убьют, хуже уже быть не может.

Минск горел. Неожиданно вспомнились слова полубившейся песни: «Любимый город может спать спокойно, и видеть сны, и зеленеть среди весны».

Теперь любимый город погибал в огне. Его улицы загромождали вороха скрюченных балок, искореженных листов железа. Под ногами скрипело крошево из стекла, кирпича, бетона.

Я не мог поверить, что человек может просить о смерти, но пришлось поверить.

Наша армия обучалась приемам наступательных действий согласно «Полевому уставу – 3 РККА», где говорилось, что «всякое нападение на социалистическое государство рабочих и крестьян будет отбито... с перенесением военных действий на территорию напавшего врага». Попробовал бы какой-либо командир или политрук требовать в боевой учебе предвоенных лет отрабатывать такой сложный маневр, как отступление, то такого пропагандиста сочли бы сумасшедшим или обвинили бы в пораженчестве со всеми вытекающими отсюда последствиями. Армия, которую учили только наступать, не умела обороняться.

Многое написано о причинах неудач Красной армии в начале войны, но расплачиваться и решать задачи со многими неизвестными в конечном итоге пришлось солдату.

По дороге на фронт мы часто разговаривали с ранеными, которых везли в тыл. Из их рассказов рисовалась картина, прямо скажем, невеселая: воевали они кто месяц, кто – два. Тут

только мы стали понимать, что в лучшем случае и нас через месяц – другой повезут в госпитали. Если очень повезет.

В 41-м году и немцы, и мы не умели воевать ночью. Так называемые «ночные действия» разрабатывались штабами, докладывались начальству, но в войсках толком и не проводились. Немцы ночью не наступали, хотя имели на это приказ командования, а наши не контратаковали, хотя тоже имели приказ. В основном ночь использовалась для перегруппировок. Очень часто ночь была передышкой для обеих сторон. Ночью и поешь спокойно, два – три часа поспишь. Это знали все и с нетерпением ждали наступления темноты.

Пуля вошла в правую лопатку, вышла из левой, зацепила левое легкое. Еще та обида: в первом же бою, ни разу по немцу не выстрелил и вот на тебе! Кровь изо рта, потерял сознание. Приползли ребята, положили на плащ-палатку, как вынесли – один Бог знает. Очухался в санроте, оттуда – в госпиталь, потом в команду выздоравливающих. Там тот еще юмор: я толком и дышать еще не могу, а меня уже выписывают. «Ничего, второй раз ранят – приедешь и тогда долечим. А если убьют – чего лечить?» Веселый доктор мне попался.

– Ты ведь, сынок, за эти полгода уже хлебнул войны, ранен был. Мой тебе совет: имея за плечами десятилетку, иди на курсы связистов, я тебе выпишу направление.

И не рвись-то особенно в пекло, на твою жизнь войны еще хватит досыта. Я – старый вояка, еще по германской помню, у связиста шансов выжить поболее будет, чем у пехоты на передовой. Быстрее всего, конечно, гибнет пехота. Три атаки – максимум и ты или ранен, или...

Никогда не писал дневник. Попытка – не пытка. Лютая зима, еду на курсы. Посадка в четырехосный товарный вагон.

Всего нас в нем больше 80 человек. Теснота, давка, холод. Захватил с собой мало хлеба.

Едем с длинными остановками. На станциях много народа, но нигде ничего не купить. Везде грязь, нечистоты.

В вагоне – большинство старше меня и намного. Интересное поколение – на мой взгляд, конечно. Помнят старый режим, но жили надеждами на революцию. Теперь изжито много иллюзий, но идеализации прошлого нет. Веры в Бога тоже нет. Нервно потрепанные, бестолковые, часто наглые люди.

Прибыли. Длиннейшая процедура проверки при сильнейшем холоде. Закоченели. Выдали на морозе сухари, сахар, концентраты. Ночью при полной луне, ветре и морозе привели со станции в пригород и человек с 400 бросили на улице – ищите себе квартиры! Ночью никто не пускает, тем более, как выяснилось, горсовет издал постановление, чтобы никто из жителей никого к себе не пускал без его, Совета, разрешения.

Наконец-то появился какой-то уполномоченный и отвел нас на отдых в Большую Осиповку. Баня и санобработка. Даже в самых зажиточных домах самая убогая обстановка. В избах холод, промерзшие стены, сырость. Везде иконы и нескончаемый мат, не стесняются ни женщин, ни детей. Такого грубого населения я еще не видел.

Попытки заниматься теоретической учебой. Перспектива – взвод связи. Каждый день – списки, какие-то переформирования, беготня к старшине за продуктами. Когда же начнется настоящая учеба? С какой благодарностью вспоминаю нашего старого школьного физика, многие электрические премудрости помнятся ярко и отчетливо до сих пор. Но как давно все это было!

Краткосрочные курсы. Тыловая норма питания нас полностью измучила. На день давали 600 г хлеба, который делился на три пайки, пустую баланду под названием «Волга-Волга» и

по черпаку каши. Голод буквально гнал нас на передовую. Выдали винтовки и объявили: для женатых это – вторая жена.

Хватит дневников. «Стукнет» кто-нибудь особисту и конец.

Окружение под Харьковом? Казалось, за всю войну не было ничего страшнее. Как выяснилось после, многие уроженцы Белоруссии предпочли пойти под немца, на оккупированную родину (куда идти было значительно ближе), где благополучно отсиделись аж до самого 1944 года. Но я двинулся в противоположную сторону, на Сталинград. А вот Паулюс получил за Харьков рыцарский крест.

Немцы в Элисте? Не может быть! Ты вспомни карту: где Сталинград, где Волга, а где та Элиста? Увы, 12 августа немцы ее заняли. Как же так? А вот как: калмыки, все как один, поголовно восстали против Советской власти, а немцы в их поддержку сбросили авиадесант. Для буддистов-калмыков священная свастика стала символом наступившего освобождения от сил зла.

В течение всей войны калмыки фанатично воевали за Гитлера. В достаточно скандальной книге Луи Повеля и Жака Бержье «Утро магов» читаем: «В день, когда русские закончили битву за Берлин, они среди трупов последних защитников нацизма обнаружили около тысячи тел добровольцев-смертников, людей тибетской крови. Смертники были одеты в немецкую форму без знаков различия, и в их карманах не было документов». На самом деле сей ларчик просто открывался: это были наши калмыки.

Кульминационным в обороне Сталинграда стал день 23 августа. Во второй половине этого дня противник почти всей авиацией своего 4-го воздушного флота нанес массированный

удар по городу. Только для бомбардировки городских кварталов было совершено свыше 2 тысяч самолетовылетов. Кроме города ударам подверглись позиции полевой и зенитной артиллерии, пристани и переправы через Волгу, аэродромы и боевые порядки войск. «Вся эта трагическая картина в деталях изображена во многих произведениях как мемуарной, так и художественной литературы, поэтому я не пишу о ней подробнее». Это из мемуаров генерала армии, Героя Советского Союза С. П. Иванова.

Возможно, что когда-то это описание и было общеизвестным, но теперь-то времена коренным образом изменились, не будет большим грехом и повторить кое-что.

...Небо над городом буквально потемнело от вражеских самолетов. Фугасные и зажигательные бомбы вызвали в густо застроенном городе большие разрушения и грандиозные пожары. Два месяца до того стояла жаркая погода без дождей, очаги пожаров слились в громадный костер. Тушить пожары было трудно – разбит водопровод, повсеместно нарушена связь. Женщины и дети металась среди горящих зданий, тщетно ища укрытия. Жители погибали под обломками домов, заживо сгорали, задыхались в убежищах, погребенные под тоннами земли и развалин.

«Многое пришлось пережить в минувшую войну, – писал генерал-полковник А. И. Еременко, – но то, что мы увидели в Сталинграде 23 августа, поразило нас как тяжелый кошмар. Бесперерывно то там, то здесь взметались вверх огненнодымные султаны бомбовых разрывов. Из района нефтехранилищ огромные столбы пламени взмывали к небу и обрушивали вниз море огня и горького едкого дыма. Потоки горячей нефти и бензина устремлялись к Волге, горела поверхность реки, горели пароходы на сталинградском рейде, смрадно чадил асфальт улиц и тротуаров, мгновенно, как спички, вспыхивали

телеграфные столбы... Стоял невообразимый шум, надрывающий слух адской дисгармонией самых разнообразных звуков. Визг летящих с высоты бомб смешивался с гулом взрывов, скрежетом и лязгом рушащихся построек, потрескиванием бушевавшего огня. В этом хаосе звуков отчетливо выделялись стоны и проклятия гибнущих, плач и призывы о помощи детей, рыдания женщин».

– Как обстановка? В батальон до темноты лучше не ходить, товарищ замполит. Там, по дороге, немец одиночные мины кладет. Час назад одного связиста тяжело ранило, эх! Молодой парень, белорус, а наверняка останется без обеих ног, если еще и выживет. Отправили в санбат.

Раненые прибывали непрерывно, чаще в повозках, иногда на грузовиках. Носилок не хватало. Некоторым служило подстилкой обыкновенное одеяло, другие просто лежали на дне кузова.

В довольно большом помещении хирурги и санитары работали за двумя операционными столами. В первую очередь производились ампутации и оказывалась помощь раненым в горло. Затем наступала очередь раненых в живот и легкие. Собственно говоря, следовало бы отдать предпочтение раненым в живот. Но такие операции длились от двух до трех часов, причем шансов на успех было мало. Между тем за эти же два-три часа врачи могли произвести большое количество таких ампутаций, когда при своевременном оперативном вмешательстве угроза смертельного исхода была не столь велика.

Мимо прошел санитар. Он нес ведро с окровавленными бинтами, ключьями белья и форменной одежды. Из ведра торчал восковой, с черно-синими прожилками, обрубок ноги. Повсюду пахло эфиром, гноем и кровью.

– Я напишу Сталину письмо, что вы вместо того, чтобы выполнять его приказ не отрезать руки и ноги, отрезаете их почем зря. Вы стараетесь делать хлопцу операцию, а ему идет 19-й год, кому он нужен будет без ног?

Вместо телосложения – сплошное теловычитание?

И все-таки выжил, и на своих ногах. Маршевая рота. Из пополнения – в пехоту и на форсирование Днепра. Как уже опытного и обстрелянного назначили меня помкомвзвода. Всем раздали винтовки, автоматы – только у комвзвода и меня. Все оружие заржавевшее, собрали его с поля боя и дали нам. Автомат мой стрелял только одиночными, а у лейтенанта – короткими очередями, у винтовок затворы ржавые – не вру! На переправе отделался по-божески: осколки в ногу, зато жив. А сколько наших легло, кто их подсчитал?

У русских самый простой и доступный пароль – матерщина.

Разведка боем – «разведка смертью».

Боец вел свой рассказ как будто ничего особенного с ним не произошло: «На посту стою – один рук совсем замерз, одна щека тоже замерз. Развел костер, достал концесрак, стал варить его. Концесрак кипит, немец кричит: “Рус, иди на плен, белым хлебом кормить буду”. Я кричу ему: “Я не рус, я казах СССР, вот концесрак скипит, поем и на плен приду”. Съел концесрак и пошел на плен. Немец дал мне хлеба и сказал: “Иди и приведи еще солдат”. Вот я и пришел за ними, а меня арестовали».

Был у нас один старший лейтенант. Командир роты. Орет: «Вперед!», а сам лежит. Ну и получил в спину свою пулю.

Лучше не спрашивай. Война – она все спишет. Умереть никогда не поздно. Это первое, чему мы научились.

Привыкаешь ко всему, тем более к чужой смерти. Мы могли спокойно есть, поставив котелок на труп нашего же солдата. Психика у меня была устойчивая. Я смотрел на все абсолютно спокойно. Все мы – живые люди. Свинью откармливают, чтобы потом прирезать на мясо. Человек ничем не лучше, на войне – пушечное мясо.

Аббревиатуру «8 ОШБ 1БФ» некоторые наши штрафбатовские остроумцы расшифровывали не как «Восьмой отдельный штрафной батальон Первого Белорусского фронта», а как «Восьмая Образцовая Школа Баянистов первой Белорусской Филармонии». Лихо! И уже почти во всех войсках фронта знали: если кто-нибудь говорит, что он из «Школы баянистов», то дополнительных уточнений не требовалось.

«Боец 5-го Украинского фронта» – дезертир.

Если попал в боевую обстановку, состояние напряжения не проходит. Нет такого, что ты вылез из самолета и забыл о войне. Ты все время в напряжении, только немного отдыхаешь. За один вылет выматываешься очень сильно, а бывало в день до трех вылетов – это невыносимо тяжело.

Встретить женщину на передовой было целым событием. Когда появлялись медсестра или связистка, солдаты начинали кричать: «Рама! Воздух!». Но девчонки были опытные и отвечали так: «Паникеры и трусы – по щелям!».

Этих самых «трофейщиков», кто хватал, грабил – убивало в первую очередь. Думаешь об этих трофеях, значит хочется выжить. Это и губит.

У штурмовиков руки по локоть в крови. Мы редко промаживались. Я видел, как после нашей работы горели эшелоны – имущество, ГСМ, техника, живые люди. Под Пилау (Восточная Пруссия), через залив, по льду была проложена прямая, как стрела, 12 км дорога, по бокам которой высились снежные валы, оставшиеся после расчистки снега и не позволявшие отбежать при атаке с воздуха. По ней отступали войска, эвакуировались гражданские. Это ужас, что на ней творилось, когда мы заходили четверкой, бросали двести 25 кг-х бомб, пускали 16 РС и поливали их из пушек и пулеметов. Там после нас кровавая каша оставалась. Страшно смотреть. Но это был наш долг, который, я считаю, мы исполнили по первой категории. Сделали все, что могли. Ну, а Бог крестами нас не обидел.

Помню я бои на Зееловских высотах. Жуков потом в своей книге признал, что наступление на Берлин можно было организовать иначе. Тот же эпизод с прожекторами – я все это лично видел. После страшной артподготовки встала сплошная стена из пыли, гари и дыма, через которую свет прожекторов до немцев почти не доходил, да и ветер дул в нашу сторону. Зажженные фары на танках только их демаскировали. От всех этих хитростей вреда было больше, чем пользы.

Замполит начал свою речь так: «Товарищи! Орлы боевые! Хлопцы дорогие! Я очень и очень рад видеть вас здесь. Вы по-гвардейски, с достоинством выполнили боевое задание. Не скрою – мы считали многих из вас погибшими. Но вот вы стоите здесь здоровехоньки. Как наши деды говорили, слава Богу! Некоторые погибли в боях. Слава и честь им, героям, отдавшим жизнь за нашу Родину! Вы все снимите шапки, молчите, хлопцы, и про себя произносите: «Вечная память и вечная слава павшим героям».

В 1945 году я участвовал в Параде Победы в Москве в составе сводного батальона летчиков 3-го Белорусского фронта. Ты знаешь, что всех солдат объединяло на том параде? Печать усталости на лице. От этого состояния просто так не освободишься. Казалось бы: жив, не ранен... Радуйся! Ничего подобного.

У людей происходила деформация психики, особенно сильно проявилось это сразу после войны. Прокатилась волна самоубийств. Война закончилась, все ждали, что сейчас-то мы и заживем! А ничего особенного не изменилось. Выплыли все болячки, которые скрывались во время войны под нервным напряжением.

«Вас зовет Родина!» – под этим красивейшим лозунгом русские эмигранты из Европы и Маньчжурии отправились напрямик на Колыму.

Для тысяч и тысяч фронтовиков победа означала мир, встречу с родными и любимыми, возможность отложить оружие, трудиться, пахать и строить, растить детей. Все ли получили ожидаемое? Тысячи и тысячи пленных после унижительных проверок поменяли немецкие лагеря на свои, родные.

Мой главный орден – тот, что я остался в живых.

За ценой не постояли

Заинтересованные компетентные лица нам сегодня говорят: «Масштабы людских потерь СССР в годы Великой Отечественной войны определялись двумя методами – учетно-статистическим и балансовым» (см. «Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь» – М.: Вече, 2010, с. 219–220).

Тогдашние советские достижения именно в этих двух областях навсегда останутся в истории непревзойденными

(как и данные иных всесоюзных переписей). Итоговая цифра 26,6 млн. человек «была получена в результате больших статистических исследований ученых-демографов и последующей работы (в конце 80-х гг.) государственной комиссии по уточнению людских потерь. Обнародовали ее в округленном виде («почти 27 млн. человек») на торжественном заседании Верховного Совета СССР 8 мая 1990 г., посвященном 45-летию победы Советского Союза в Великой Отечественной войне» (см. там же). И далее: «В указанное число демографических людских потерь (26,6 млн. человек) входят убитые в бою, умершие от ран и болезней военнослужащие и партизаны, умершие от голода, погибшие во время бомбежек, артиллерийских обстрелов и карательных акций мирные граждане, расстрелянные и замученные в концентрационных лагерях, военнопленные, подпольщики, а также не вернувшиеся в страну рабочие, крестьяне и служащие, угнанные на каторжные работы в Германию и другие страны» (см. там же).

Напомним читателю, что несколько ранее в правление Сталина и Хрущева эти же самые ученые-демографы последовательно озвучили цифры в 7 и 22 млн. соответственно. Единожды солгав – кто тебе поверит, будь ты хоть самый последний Горбачев.

Правда, совсем недавно, на одном торжественном собрании, с очень высокой трибуны прозвучали следующие слова: «Весь мир должен быть в неоплатном долгу перед подвигом советского народа, который заплатил за Победу неимоверно высокую цену – жизни тридцати миллионов человек. Тех, кто погиб в бою или скончался от ран, кто замучен в фашистских застенках и лагерях, кто заживо сожжен как в Хатыни или расстрелян карателями, кто умер от голода и холода в блокадном Ленинграде или от непосильного труда в глубоком тылу».

Но одновременно возникают и вопросы: а в наших лагерях и застенках никто не погиб? А с нашей родной каторги вернулись все? А высылка в нашу неволю (Казахстан, Сибирь

и т.д.) целых народов (немцев Поволжья, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкар, калмыков, курдов, крымских татар – и это только во временных рамках 1941–1945 гг.) смертями никак не сопровождалась? А ведь челюсти и жернова ГУЛАГа в годы войны работали с исключительным напряжением, ибо параллельно с войной внешней не прекращалась война и с собственным народом. Если всех убитых на этой войне считать пособниками гитлеровцев и приплюсовать к убитым немцам, то достигнутый общий итог будет просто потрясающим и наши победные лавры зазеленеют еще более внушительно.

Минула еще целая четверть века, наступил 75-летний юбилей Победы, а по данной теме мы до сих пор имеем только яростную полемику между так называемым «чрезмерщиками» (среди которых выделяется покойный А. И. Солженицын) и «недомерщиками» (с помощью различных интервальных оценок добившихся... почти полного равенства безвозвратных боевых потерь СССР и Германии).

Мало того, на наших глазах закладывается и фундамент «будущих побед». Уже сформулирован и соответствующий закон: «В любой войне победа достается той армии, у которой относительные потери меньше». Следуя строго логическим путем, приходим к выводу: еще через поколение (когда последние фронтовики окончательно уйдут в мир иной) все будут свято верить, что советские солдаты убили «относительно» больше немецких, поскольку в конечном итоге оказались победителями.

В своих комментариях к роману «Прокляты и убиты» Виктор Астафьев пишет: «Как следует из документов книги «Скрытая правда войны 1941 года» (издательство «Русская книга», 1992 год), всего наши карательные органы за войну расстреляли миллион человек». А поскольку наши органы, как всем хорошо известно, не могут ошибаться по определению, то весь этот миллион без всяких сомнений совсем скоро будет причислен к... Догадываетесь?

Но и здесь требуется серьезное уточнение. Входят ли в этот миллион многочисленные бессудные расстрелы «зэков» в тюрьмах НКВД при фатальном отступлении летом и осенью 41-го? О них читаем у Солженицына и Негретова. В качестве примеров – Львов, Ровно, Кировоград, Таллин, Тарту, а за ними – конкретные человеческие судьбы.

Об этом говорил и Г. К. Жуков: «Когда под Москвой немцы наступали, 200–300 человек высшего комсостава сидели с 1937 года в подвалах на Лубянке. И тут их всех расстреляли. Такие люди погибли! А на фронте в это время полками командовали лейтенанты» (Маршал Жуков: полководец и человек. т. II, с. 54).

«Не оставили в живых и тех, которых увезли в Куйбышев. В числе расстрелянных 28 октября 1941 года в Куйбышеве были Г. М. Штерн, А. Д. Локтионов, Я. В. Смушкевич, П. В. Рычагов, Г. К. Савченко и другие» (там же, с. 126).

Вот перед нами новый вариант «Повести о чекисте». Только в главной роли не Кадочников, а Михаил Сергеевич Кедров – один из основателей ВЧК. Всезнающий ИНТЕРНЕТ сообщает подробности «сценария». Арестованный летом 1937 г. наш герой долго содержался в Лефортовской тюрьме НКВД, где подвергался жестоким пыткам и избиениям. На суде 9 июля 1941 года Военной коллегией Верховного суда СССР он был оправдан (!!!). Однако, несмотря на оправдательный приговор, Л. П. Берия дал личное указание не выпускать Кедрова из тюрьмы. 27 октября 1941 года, также по личному приказу Берии, Кедров вместе с другими арестованными был вывезен в поселок Барбош Куйбышевской области и 28 октября 1941 года там расстрелян. Беспощадный борец с врагами народа сам превратился во врага народа. Такова безупречная революционная диалектика.

А вот взятые практически наугад виражи двух советских летчиков. О них пишет в своих «непричесанных» цензурой мемуарах В. Г. Зверев (Мой позывной – «Таран-21», Мн., 2010).

«30 апреля (1943 года) командир эскадрильи капитан П. И. Вараксин, исполняющий обязанности штурмана полка, будучи в нетрезвом состоянии, избил замполита полка майора Кривошеева. Вараксин – боевой летчик, воевавший с лета 1941 года, награжденный двумя орденами Красного Знамени, воевал смело и результативно (больше десятка сбитых самолетов противника лично и в группе). Дело дошло до политотдела дивизии и армии. Вараксину грозил трибунал». 3 мая он перелетел к немцам.

«В дальнейшем мы узнали, что Вараксин активно сотрудничал с фашистами, служа им верой и правдой. И только в 1945 году его настигла заслуженная кара – как изменник Родины он был арестован, судим и казнен» (см. с. 20–21).

Второй пример. «В полк сообщили, что Герой Советского Союза старший лейтенант Б. Р. Антилевский, пропавший без вести в августе месяце (1943 года), находится в плену у немцев. Он выступил по фашистскому радио с обращением к однопольчанам и другим воинам Красной армии, чтобы и они сдавались в плен. Антилевский стал на путь предательства и верно служил оккупантам. Мотивы его поведения для меня не понятны, но после войны Антилевский понес заслуженное наказание – смертную казнь» (см. с. 64).

Надо думать, что обоих этих вражеских пособников конечно же нельзя отнести к потерям Красной армии. Намного проще добавить их к убитым немцам. В ту же категорию, например, можно записать и генералов Д. Г. Павлова, А. А. Власова и «иже с ними». Разница в том, что первого посмертно реабилитировали, а второму это никак не грозит. И это – только частные примеры.

«Вслед за расстрелом группы Павлова был безвинно казнен и начальник военных сообщений генерал-лейтенант Н. И. Грубецкой. Были объявлены «изменниками» славные генералы, которые в силу критической ситуации оказались в плену или без вести пропавшими, в их числе П. Г. Понеделин,

Н. К. Кирилов, В. Я. Качалов. Как потом оказалось, В. Я. Качалов погиб смертью героя в конце июля 1941 года в районе Рославля. Генералы П. Г. Понеделин и Н. К. Кирилов возвратились из плена в 1945 году. В 1950 году по приговору суда они были расстреляны как «изменники». В 1956 году Верховный суд СССР прекратил дела этих генералов из-за отсутствия состава преступления» (Маршал Жуков: полководец и человек. Т. II, с. 124).

Еще одна любопытная книга: Белоусов М. А. Об этом не сообщалось... Записки армейского чекиста. – М.: Воениздат, 1978. На с. 60 находим работника штаба Юго-Западного фронта интенданта 3-го ранга Гольдина. Это – один из тех «слабодушных, без сопротивления сдавшихся врагу». Здесь же высказывается справедливое предположение, «что вряд ли выгадал Гольдин, сдавшись в плен: ведь евреев немцы расстреливают без суда и следствия». Однако в дальнейшем (см. с. 65) выяснилось, что Гольдин был завербован абвером, и его грехопадению весьма поспособствовал гитлеровский майор Фурман, руководитель абвергруппы-107 при армии Гудериана. Самое пикантное, что помимо стандартных приемов вербовки Фурман «польстил интенданту 3-го ранга, сказав, что он имеет высшее техническое образование, гибкий ум, не является членом партии, хорошо знает немецкий язык, а таким лицам неплохо живется и в Германии, не говоря уж об оккупированной России и Украине, примером чему может быть он сам Фурман, выходец из Одессы (!!!, таки да, см. с. 66). Вскоре вместе с группой советских командиров, выходящих из окружения, Гольдин перешел линию фронта и снова получил должность в штабе (см. с. 67). 1 декабря 1941 года он был арестован и полностью изобличен в предательстве. Как итог – «изменник был предан суду военного трибунала и осужден по всей строгости советских законов» (с. 68).

Случай не совсем типичный? Но на той войне бывало всякое. В книге Н. П. Ратушнова (В боевом походе. Записки пар-

тизана. – Мн.: Госиздат БССР, 1960) описывается следующий эпизод. «Фашисты, лишённые возможности организовать против партизан крупные карательные экспедиции, начали усиленно засылать в нашу зону своих шпионов, диверсантов и агентов гестапо, которые проходили специальную подготовку в минской и борисовской гестаповских школах. Выяснилось это после того, как в апреле (1943 года) неподалеку от нашего лагеря были задержаны два парня. На обычном в таких случаях допросе они рассказали, что они евреи по национальности и что незадолго до этого бежали из Борисова и с тех пор бродили по лесам, разыскивая партизан. Подозрительного в такой версии как будто не было ничего – мы знали, что фашисты поголовно уничтожают еврейское население (...). Но теперь нас насторожила некоторая неувязка в рассказах двух этих беглецов. Ведь вокруг Борисова действует много других партизанских отрядов. Почему парни не встретились ни с одним из них? Каким образом им удалось незамеченными и незадержанными пройти не только в Усакинский лес, но и добраться почти до нашей бригады?

Все эти подозрения одно за другим возникали у меня по мере того, как я вел допрос. Держались пришельцы с подчеркнутой искренностью, перебивая друг друга, рассказывали о том, как зверствуют гитлеровцы в Борисове, как жестоко расправляются с населением, не щадя ни стариков, ни детей. Рассказывали, а у самих глаза так и бегали из стороны в сторону, и чувствовалось, что оба напряжены до предела.

– Хорошо, мы вам верим, – прервал наконец я эти излияния. – Но придется соблюсти необходимую формальность.

И, повернувшись к бойцам, приказал:

– Обыскать!

Как ни прощупывали одежду беглецов, как ни осматривали ее – не нашли ничего. И только когда Максим Устинов протянул руку к курчавой голове парня постарше, тот с ужасом рванулся в сторону:

– Ой, не надо, не трогайте меня!

Осмотреть, прощупать волосы и одного, и другого все же пришлось. Подозрение подтвердилось: в волосах мнимых белглецов мы нашли какие-то крошечные шарики, в которых был запрятан сильно действующий яд.

Тут уж «жертвы фашизма» заговорили напрямик. Оба признались, что гитлеровцы давно завербовали их, обучили в гестаповской школе, а теперь направили в нашу бригаду с заданием подбросить яд в котел для варки пищи. У шпионов удалось выведать много интересных сведений о методах работы вражеской разведки. Сведения эти мы передали по радио в Москву, а шпионы в тот же день получили по заслугам» (с. 188–189).

В том же контексте процитируем и еще одну книгу: Г. Смоляр. Мстители гетто. – М., ОГИЗ, Госиздательство «Дер Эмес», 1947. В ней детально описывается борьба с оккупантами советских подпольщиков-евреев в Минском гетто. Читаем: «Чтобы энергичнее вести борьбу против нас, гестаповцы создали специальный оперативный отдел при еврейской охране порядка. Во главе этого отдела поставили «героя» варшавского уголовного мира – вора и сутенера Розенבלата. Он подобрал команду из таких же, как он, уголовников, и с ними начал охоту за верными сынами нашей Родины. Банда Розенבלата была для гетто страшнее гестапо.

Борьбой против партизанского движения в гетто занималась еще одна личность «розенблатовского» типа – Эпштейн, прибывший из Польши в 1939 году. В этой работе помогал ему предатель и садист Вайнштейн.

Деятельность этих гитлеровских агентов стала чрезвычайно опасной для нас, и мы отпечатали в нашей подпольной городской типографии листовку-призыв к населению, в которой разоблачали этих цепных псов гестапо. Листовка заканчивалась призывом: «Смерть гитлеровским агентам – Розенблату и Эпштейну!» (с. 66–67).

В дальнейшем: «Удалось заманить в лес группу “оперативников” – кровавого пса “Эллинку” Гинзбурга, Мулю Кагана, Мирру Маркман. Приговор народа был справедлив. Предатели были казнены.

Еще одна группа “оперативников” (Мейер Сегалович, его сын, Рубин и другие) также была подготовлена к отправке в лес. Один из них, Берковский, донес гестапо. Гестаповцы окружили двор, где они находились, и открыли пальбу. Один из наших товарищей успел выстрелить в Берковского. Все, кроме Сегаловича, были убиты. Сегалович был казнен позднее, по приговору партизанского суда.

С главным “оперативником” Эпштейном также велись переговоры, но его не удалось заманить в партизанский отряд» (с. 94).

Да простит читатель за столь пространные цитаты, но, право же, тема того стоит, а уничтоженных агентов абвера и гестапо можно смело приплюсовать к убитым на фронте немцам. Или, все-таки, торопиться с этим не будем?

Однако факт остается фактом. Последний павший солдат той войны еще не похоронен, настоящей правды о войне мы и сегодня, спустя 75 лет, не знаем. Например, в свое время в школе нас учили, что в Белоруссии погиб каждый четвертый, а теперь уверенно утверждают, что каждый третий...⁴

⁴ В книге академика А. М. Самсонова «Знать и помнить: диалог историка с читателем» (М.: Политиздат, 1988) на с. 349 находим следующие цифры: «Если в 1940 году население СССР составляло 194,1 миллиона человек, то к началу 1946 года – всего 167 миллионов. Получается, что при среднегодовом довоенном приросте к 1946 году у нас могло быть 213 миллионов человек. Следовательно, война обошлась для страны в 46 миллионов человеческих жизней». В другой книге он округлил и эту цифру: «примерно 50 млн. человек» (Историки спорят. 13 бесед – М.: Политиздат, 1988, с. 313).

14 февраля 2017 года на слушаниях в Государственной думе России с докладом выступил депутат Николай Земцов: «Согласно рассекреченным данным Госплана СССР, потери Советского Сою-

Более или менее честную цифру наших потерь мы, очевидно, уже не узнаем никогда.

Только на Страшном Суде.

Не убили – повезло?

На войне были не только убитые. Обратимся к официальной статистике (см. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. – М.: Вече, 2010, с. 217–219, с. 231–234). За годы войны было госпитализировано 22,3 млн. человек, многие из них были ранены и два, и три, и даже 7 и более раз. По ранению и болезни уволено 3798 тыс. человек, из которых инвалидов – 2576 тыс.

Параллельно с этими существуют и другие цифры. С сайта на сайт кочует «потертая и пожелтевшая от времени бумага с грифом «Совершенно секретно» (словно все ее видели и держали в руках!). Кем она подписана – не говорится, однако все следы ведут к чеченскому журналу и опубликованной там в 2005 г. статье С. Кашурко («Дош». №2(8), 2005). Автор утверждал, что речь идет о докладной записке, составленной маршалом И. С. Коневым для Л. И. Брежнева и М. А. Суслова в канун 25-летия Победы (т.е. около 1970 г.).

Сразу же возникают два вопроса. Первый: имел ли в то время Конев доступ ко всей необходимой для анализа информации, конечно же, закрытой? И второй: почему эта записка была опубликована лишь в 2005 году, а не во времена разгула так называемой горбачевской гласности? Ведь скончался Конев еще в 1973 году (а сам С. Кашурко – в 2007 году) и теперь, после стольких лет, на покойников можно ссылаться сколько угодно.

за во Второй мировой войне составляют 41 миллион 979 тысяч, а не 27 миллионов, как считалось ранее (...) Общая убыль населения СССР 1941–45 гг. – более 52 миллионов 812 тысяч человек».

Тем не менее, несмотря на все сомнительные моменты, постараемся сравнить приведенные С. Кашурко цифры с официальными.

Число погибших: соответственно 28 млн. 540 тысяч и 26,6 млн.

Число раненых: 46 млн. 250 тысяч и 22,3 млн. (госпитализированных). Но ведь легкораненых могли и не госпитализировать. Тогда возможно ли как-то их подсчитать? Но самое любопытное – впереди.

Сопоставим данные С. Кашурко с таблицей 137 «Книги потерь» (с. 233–234):

Характер ранений	Количество потерь	
	по данным С. Кашурко	из «Книги потерь»
В череп	775000	773500
В глаза		214861
одноглазых	155000	
слепых	54000	
В лицо	501342	501342
В шею	157565	157565
В грудь	цифры нет	1289166
В живот	444046	444046
В позвоночник	143241	143241
В таз	630259	630259
В половые органы	28648	28648
В верхние конечности		5042074
одноруких	3147000	
безруких	1010000	
В нижние конечности		5099369
одноногих	3255000	
безногих	1121000	

Кроме того у С. Кашурко находим и такие подробности: с частично оторванными руками и ногами 418905, безруких и безногих 85942. В «Книге потерь» такой детализации нет.

Поражает другое: по 6-ти показателям из 11-ти имеем полное совпадение цифр с точностью до единицы, по 4-м цифры вполне сопоставимы. Как и чем это можно объяснить? Мистификация, фабрикация, фальсификация или... чистая правда? Вразумительного ответа у меня сегодня нет.

Отметим и такой факт. В «Книге потерь» указывается, что таблица 137 составлена на основе 14,3 млн. историй болезней. Прибавим еще около 8 млн. больных и получим уже известную нам цифру 22,3 млн. госпитализированных. Но у С. Кашурко, напомним, говорится о 46 млн. раненых, т.е. в 2 раза больше. Как же при этом цифры могли совпасть?

И, наконец, просуммируем приведенные С. Кашурко цифры слепых, безруких и безногих. Искомый результат – свыше 9 млн. Как это согласуется с официальным числом инвалидов 2 млн. 576 тыс.?

Неужели вся эта «арифметика» понадобилась нам лишь для того, чтобы утомить терпеливого читателя? На самом деле речь идет о том, что до сих пор, спустя 75 лет, мы не имеем связанных ответов на целый ряд вопросов. Одни сомнения...

Таким образом, в ходе войны и после ее окончания с фронта вернулось несколько миллионов инвалидов. И в городах, и в сельской местности их ожидали материально-бытовая необустроенность, бедность и даже голод. А если рядом – волокита, полное равнодушие и многочисленные злоупотребления местных властей? Грубые нарушения законов при назначении пенсий, пособий, льгот по налогам, отказ в ходатайствах? А унижительные переосвидетельствования во врачебно-трудовых экспертных комиссиях (ВТЭК)? Какая трогательная забота об экономии бюджетных средств!

Все это порождало раздражение, упреки и недовольство в семьях, скандалы и дебоши, пьянство, отчаяние и безысходность. Выброшенные на жизненную обочину, скатившиеся на самое дно, многие инвалиды заполнили рынки и вокзалы, занимаясь при этом попрошайничеством, мелкими спекуляция-

ми и хулиганством. Преступный мир активно вовлекал их в мошенничество, воровство и даже бандитизм.

Перенесенные страдания, физическая неполноценность и ущербность не могли не ожесточить очень многих из инвалидов-фронтовиков. Избавившиеся на войне от страха смерти (хуже уже не будет!), предельно равнодушные и к чужой и к собственной жизни, эти люди для решения своих проблем часто прибегали к сугубо силовым методам, были склонны, как тогда говорилось, к «антиобщественным формам поведения» и «антигосударственным проявлениям».

Компетентные органы, пользуясь расширительным толкованием статьи 58-10 УК (антисоветская пропаганда и агитация), фиксировали многие факты антиколхозных выступлений (даже групповых!), «инициаторами которых являлись инвалиды Отечественной войны». Отчеты местных органов НКГБ пестрят сообщениями: один инвалид на колхозном собрании «возводил клевету на коммунистов», а другой «угрожал убийством председателю колхоза». От угроз переходили непосредственно к убийствам, такие случаи также известны, как и ряд прямых столкновений с милицией и патрульными службами, сопровождавшихся человеческими жертвами, например в Мариуполе и Днепрпетровске (А. И. Вольхин. Оперативная работа территориальных органов НКГБ среди инвалидов Великой Отечественной войны в 1943–1945 годах. «Военно-исторический архив», 31(97), 2008, с. 155–160).

Ясное дело, «морально-политическую обстановку и состояние общественной безопасности в стране» требовалось срочно оздоровить.

В статье С. Кашурко читаем: «К концу сороковых годов в поисках лучшей жизни в Москву хлынул поток обездоленных военных инвалидов с периферии... В напрасном чаянии защиты и справедливости они стали митинговать, досаждают властям напоминаниями о своих заслугах, требуют, беспокоить... Летом 49-го Москва стала готовиться к праздни-

ванию юбилея обожаемого вождя (70-летия – П.Б.). А тут эти фронтовики до того “обнаглели», что перед самым Кремлем устроили демонстрацию (верить или нет? – П.Б.). Страшно не понравилось это вождю народов. И он изрек: “Очистить Москву от "мусора"!..” Началась массовая облава... В считанные дни [их] выловили на улицах, рынках, вокзалах и даже на кладбищах».

Судя по всему, аналогичные меры были предприняты не только в Москве, но и в других местах. Современники вспоминают, что инвалиды навсегда исчезли из глаз буквально за одну ночь.

Однако документы свидетельствуют, что вся эта работа проводилась систематически, и до, и после кончины Сталина.

Эту проблему решали и в конце концов все-таки решили.

Из тех, кто выжил

Первое мое прикосновение к данной теме состоялось давно: после прочтения книги Евгения Петровича Кузнецова «Валаамская тетрадь» (СПб, 2002). Лично познакомиться с ним не удалось, но благодаря одному валаамскому послушнику в моей библиотеке эта книга имеется и даже с короткой дарственной надписью автора.

Отрывки из «Валаамской тетради» теперь очень широко представлены в ИНТЕРНЕТЕ и являются практически единственным достоверным описанием жизни насельников Дома инвалидов войны и труда на острове Валаам, который был образован в бывших монастырских помещениях согласно указу Верховного Совета Карело-Финской ССР в 1950 г.

Этот вопрос кому-то может показаться отвлеченным и даже наивным: почему именно на острове, а не где-нибудь на материке, ведь снабжение и содержание обходятся там и дешевле и проще?

Первое объяснение – формальное. От монастыря осталось много жилья, подсобных и хозяйственных построек, пахотные земли, фруктовые сады и ягодные питомники. Живи и радуйся!

Второе объяснение предельно идеологически выдержанно и поэтому истинно. Сотни тысяч безруких, безногих, неприкаянных инвалидов войны буквально прозябали, промышляли нищенством по вокзалам и поездам, на улицах, возле пивных и булочных. Вся грудь в орденах, а он милостыню просит! Не позорьтесь, не мозольте глаза советскому народу-победителю!

Избавиться от них всех, убрать с глаз долой, очистить улицы. Куда? На выселки, на острова, в бывшие монастыри.

Так и возникли эти «богадельни» в Валаамском, Кирилло-Белозерском, Александро-Свирском, Горицком и других монастырях. Честнее сказать – на развалинах монастырей, уничтоженных Советской властью.

Страна Советов карала своих инвалидов-победителей за их увечья, за потери семей, крова и родных гнезд, разоренных войной. Карала нищетой содержания, одиночеством и безысходностью. Их обворовывали все, кому не лень, и даже те, кому было лень.

Дело доходило до того, что на обед в столовую многие ходили с поллитровыми банками, алюминиевых мисок не хватало. На дворе – середина 60-х годов, развитой социализм. Мечта и праздник жизни – помидор, кусочек «отдельной» колбасы, стопарь водки и глоток ленинградского пива.

Беспредельное отчаяние, неодолимое горе. В самых страшных тюрьмах и лагерях у заключенного почти до самого конца теплится надежда выйти на свободу, изменить самую горькую жизнь к лучшему. Отсюда исход был только один – в безвестную могилу на заброшенное монастырское кладбище.

Почти невозможно представить себе эту жизнь, еще труднее описать выражение лиц и глаз этих людей, улыбки прови-

нившихся навек (перед кем?), просящих вечно прощения (за что?). Господь знает.

Когда с течением времени на Валаам были открыты туристические маршруты, на остров стали приезжать женщины «в возрасте», потерявшие мужей на фронте, в особенности те из них, кто получил не похоронку, а извещение «пропал без вести». Совершая настоящие паломничества по таким заведениям, они пытались отыскать своих единственных мужей, сыновей, братьев. Ведь многие инвалиды принимали тогда отчаянное решение, сознательно и добровольно обрекая себя на весь этот кошмар, лишь бы не быть для семьи обузой в тяжкие послевоенные годы.

Увиденное в доме инвалидов повергало приезжих в настоящий шок. Уж слишком был велик контраст между развеселой турбазой и приютом калек.

В центральной усадьбе монастыря содержалось до 600 человек, а на Никольском скиту – до 80 человек психохроников. Там была особо охраняемая «зона», за тремя проходными и семью печатями. Обслуживающий персонал (а это – врачи, медсестры, санитары, уборщицы, истопники, повара и другие рабочие) составлял почти 600 человек. Кто приезжал на несколько лет, а кто застревал на всю жизнь.

Но даже в этих жестких условиях повсеместной скудости, отрешенности и печали жизнь брала свое.

Девчонкам по окончании медучилищ было по 19–20 лет, а парни-фронтовики 1924, 1925 и даже 1927 годов рождения. Где молодость, там и любовь. Так возникали смешанные браки, где «жених» – инвалид, а «невеста» – девушка из obsługi. Появилась детвора, в 1967 году валаамским первенцам было уже по 16–17 лет. По некоторым сведениям Дом инвалидов на Валааме просуществовал до 1984 года.

Неисповедимы пути и непостижим промысел. Людиразвалины на руинах православных обитателей. «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные» (Мф. 11: 28).

Но возможно ли было покаяние и очищение, восхождение к Богу для этих людей? Господь знает.

«Невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18: 27).

Дни и праздники Побед

Изначально их было два. Об этом точно знает ИНТЕР-НЕТ, но не помнит большинство рядовых граждан. Приведем два документа, первый из них дословно:

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ в ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной армии, увенчавшихся полным разгромом гитлеровской Германии, заявившей о безоговорочной капитуляции, установить, что 9 мая является днем всенародного торжества – ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ.

9 мая считать нерабочим днем.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин

Москва, Кремль, 8 мая 1945 года

Второй документ – это аналогичный УКАЗ Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 года «Об объявлении 3 сентября праздником победы над Японией». Согласно указу этот день тоже считался нерабочим. Но продолжалось это не очень долго, всего два года – в 1945 и 1946 годах.

Затем последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1947 года «Об изменении Указа Президиума

Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г.» и праздник победы над Японией стал рабочим днем.

А уже 24 декабря 1947 года газета «Известия» опубликовала следующее сообщение:

«В Президиуме Верховного Совета СССР

Президиум Верховного Совета СССР постановил: 1. Во изменение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 года считать день 9 мая – праздник победы над Германией – рабочим днем <...>».

Одним словом, победы – победами, а работать надо. Чем при этом руководствовался Верховный Главнокомандующий победоносной армией?

Был ли он недоволен результатами войны? Вполне возможно. Но ведь если победа над Германией была достигнута за счет МНОГОмиллионных потерь (и не только убитыми), о чем ему было прекрасно известно, то победа над Японией явила классический образец сталинской молниеносной войны – малой кровью и на чужой территории.

Думал ли он о новых победах? И это весьма вероятно. Пусть в Европе Сталин достиг ограниченных успехов (получил «всего» половину ее, а Турцию на растерзание американцы не дали), то на Востоке была сделана мощная ставка на коммунистический Китай с его неисчерпаемыми человеческими ресурсами. Не забудем и войну в Корее, где США в критический для них момент едва не применили атомное оружие.

А если к 47-му году для Сталина стало очевидным, что война в 45-м не закончилась, но плавно перетекла в «холодную» фазу, конечный итог которой вызывал у него определенное беспокойство?⁵

⁵ «В день победы над гитлеровской Германией, глядя на радующихся, торжествующих москвичей, Кеннан (Джордж Кеннан,

Обо всем этом мы можем только строить догадки. Но если о победе над Германией помнили и праздновали (но вовсе не так пышно и помпезно, как сегодня), то о победе над Японией постепенно, а потом и начисто, забыли.

Что было дальше? К власти пришел Никита Сергеевич и по острой необходимости превратил Сталина в «козла отпущения» (в самом что ни на есть библейском смысле этого понятия). Напомним строки из книги Левит: «И возложит ... обе руки свои на голову живого козла, и исповедует над ними все беззакония сынов Израилевых и все преступления их, и все грехи их, и возложит их на голову козла, и отошлет... в пустыню: и понесет козел на себе все беззакония их...» (Лев. 16: 21–22).

Чем не знаменитое выступление Хрущева на XX съезде партии?

Так был разоблачен культ личности и преступления самого Верховного Главнокомандующего, да и победу в войне считать величайшим достижением всех времен после этого стало как-то не совсем удобно.

Цифру потерь пришлось озвучить пусть и не самую правдивую, но все же.

Огорошенный таким поворотом событий советский народ нуждался в совершенно новых лозунгах и ориентирах. Хрущев, не слишком долго думая, выдвигает их: «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме» и «На Марсе будут яблони цвести». Советские писатели-фантасты, как верные партийцы, идут еще дальше и живописуют победу коммунизма в масштабах целых галактик...

советник-посланник посольства США в Москве. – П.Б.), по утверждению находившегося тогда в СССР английского журналиста Ральфа Паркера, бросил:

– Ликуют... Они думают, что война кончилась. А она еще только начинается» (см. Н. Г. Пальгунов. Тридцать лет. Воспоминания журналиста и дипломата. М.: Политиздат, 1964, с. 290).

Но недолго эта музыка играла, разоблачили и кукурузного волонтариста с его ошибочной детализацией ближайшего будущего. Настало время Леонида Ильича, которое затем окрестили эпохой «застоя» (теперь это же состояние именуют стабильностью).

Благодаря Брежневу 20-ю годовщину Победы отпраздновали как никогда ранее: юбилейные медали, юбилейные рубли, нерабочий день, парад и салют. Апофеозом войны сделали Малую землю, а сам генсек быстро собрал настоящую коллекцию героических звездочек, а затем украсил ее орденом «Победа» и золотым оружием.

Казалось, теперь бы и дальше веселиться, праздновать в свое удовольствие, но на историческую сцену явились Горбачев и Ельцин. Эти и другие «агенты влияния» разрушили, уничтожили страну-победительницу. Ее не стало в декабре 1991 года. Сбылись планы Гитлера, который в свое время «всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей» (из обращения И. В. Сталина к народу в мае 1945 г.).

И ныне, после Величайшего Поражения, трубить о Великой Победе, согласитесь, как-то не очень скромно, мягко говоря, не совсем уместно. «Праздник со слезами на глазах» – вот это спето пророчески, удивительно точно и образно.

Пора подводить итог. Формулу абсолютно правильного отношения к этому событию уже давно нашла Церковь.

«Определением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 29 ноября – 4 декабря 1994 года установлено совершать в День Победы – 9 мая (26 апреля) особое ежегодное поминовение усопших воинов, за веру, Отечество и народ жизнь свою положивших и всех страдальчески погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».

Поменьше бы парадов и салютов, побольше молитвы. Аминь.

История войны. Какая по счету?

Нам говорят: «Историческая реальность всегда многообразнее, сложнее, чем ее отражение в историческом сознании. В этом смысле процесс познания прошлого безграничен. Историки постоянно возвращались и будут возвращаться к переосмыслению множества событий, фактов, личностей, зафиксированных в исторической памяти». И далее: «Трудности объективного воссоздания прошлого, поверхностные выводы из уроков истории в значительной мере обусловлены влиянием политики на историческую науку» (Плетушков М. С., Якушевский А. С. Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны. См. Великая Отечественная война (Историография). Сб. обзоров. – М.: ИНИОН, 1995).

Одновременно заявляется о категорической недопустимости всяческого переписывания и, тем более, фальсификации истории ВОВ.

Кто же первый начал писать и переписывать эту историю? Попробуем разобраться.

В обращении к читателю Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал: «Первые мемуары о войне были написаны вскоре после ее окончания. Я хорошо помню два сборника воспоминаний, подготовленных Воениздатом – «Штурм Берлина» и «От Сталинграда до Вены» (о героическом пути 24-й армии). Но оба эти труда не получили одобрения И. В. Сталина. Он сказал тогда, что писать мемуары сразу после великих событий, когда еще не успели прийти в равновесие и остыть страсти, рано, что в этих мемуарах не будет должной объективности» (см. «Дело всей жизни»).

Но каким образом, спрашивается, может проявиться «должная объективность», если мемуаристы и историки в первую очередь будут озабочены получением «одобрения» Самого-Самого и всякий раз нового?

Эту же мысль находим и у Г. К. Жукова: «При Сталине была одна история, при Хрущеве другая, сейчас третья» (Маршал Жуков: полководец и человек. Т. II, с. 51).

Поэтому помимо общих и объективных недугов советской историографии последней войны (политизированность, тенденциозность, узость, догматизм, шаблонность и т.д.) обязательно присутствовал и субъективный фактор: писать историю в угоду каждому конкретному генсеку.

Итак, первый вариант истории ВОв – сталинский. «Десять Сталинских ударов» – о них знал каждый советский школьник. Ключевая книга: И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М.: Госполитиздат, 1950. Ну, оценил тов. Сталин немецкие потери на Восточном фронте за первые четыре месяца войны (!) в 4,5 млн. человек (в речи по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции), и кто бы рискнул тогда возразить вождю народов? Одним словом – кругом мудрое руководство и культ одной-единственной личности – вот такая история.

Когда на XX съезде КПСС и культ, и личность были разоблачены и осуждены, возникла насущная необходимость в совсем иной истории – хрущевской. Покойного Верховного Главнокомандующего стали критиковать вдоль и поперек, попытались противопоставить Сталина всей коммунистической партии. Вместо одной руководящей книги появилось сразу шесть. Это, как известно, История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 1–6. – М.: Воениздат, 1963–1965. На смену культу личности Сталина явился культ Хрущева. Вновь проявилась специфическая тенденциозность: например роль Г. К. Жукова в войне была практически замолчана.

Но и Хрущеву с его волюнтаризмом и субъективизмом пришел конец. На историческом октябрьском пленуме 1964 г. он был смещен. Наступил третий этап переписывания истории ВОв – брежневский. Хрущевский шеститомник замени-

ла История второй мировой войны 1939–1945. Т. 1–12. – М.: Воениздат, 1973–1982.

Идеологическим аппаратом ЦК КПСС сталинизм был почти полностью реабилитирован, начал создаваться и новый культ, на этот раз – бывшего начальника политотдела одной из армий, коих во время войны было превеликое множество.

Массовыми тиражами была опубликована нашумевшая «Малая земля», к написанию которой генсек не имел никакого отношения, литературных угодников и подхалимов было предостаточно.

Ну а как же пресловутая правда в исторической науке? Отвечая на этот риторический вопрос (в 1967 году!), начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского флота генерал армии А. А. Епишев без всякого стеснения изложил свое кредо: «Кому нужна ваша правда, если она мешает нам жить?» (Маршал Жуков: Полководец и человек., т. II, с. 140).

А вот Г. К. Жукову при написании своих мемуаров пришлось столкнуться с серьезными проблемами. «Руководители АПН и издательства сражались за эту книгу. Возражения против ее издания шли в двух планах: 1) нельзя издавать книгу человека, освобожденного от всех обязанностей Пленумом ЦК; 2) нельзя согласиться с трактовкой автора о нашей недостаточной подготовленности к войне.

Были и другие замечания. Объем этих замечаний после первой рецензии составил 50 машинописных страниц!

Жуков знал, что ярким противником издания мемуаров был член Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслов, в те годы ведавший идеологией» (там же, с. 66–67).

Книга «уже давно была подготовлена к набору, но окончательного разрешения не было. Наконец дали понять, что Л. И. Брежнев пожелал, чтобы маршал Жуков упомянул его в своей книге. Но вот беда, за все годы войны они ни разу ни на одном из фронтов не встретились. Как быть? И тогда был най-

ден “выход”: находясь под Новороссийском, маршал Жуков якобы поехал посоветоваться с полковником Брежневым, но, к сожалению, того на месте не оказалось. “Умный поймет”, сказал с горькой усмешкой маршал. Эта нелепая фраза прошла во всех изданиях “Воспоминаний и размышлений” с первого по шестое включительно, как и в зарубежных изданиях. Только в седьмом издании она была опущена» (там же, с. 72).

Однако ничто не вечно под Луной, наступил финал и эпохи брежневского застоя. «Жизнь, перестройка показали, что немало изданий, в том числе и многотомных, претендовавших на изречение истины в последней инстанции, быстро утратили свой академический и официозный лоск под очищающим воздействием гласности и нелицеприятной критики» – так писал генерал армии С. П. Иванов, Герой Советского Союза и профессор (См. Штаб армейский, штаб фронтовой. – М.: Воениздат, 1990, с. 3).

В своих мемуарах он «стремился во всем быть верным требованию партии писать о нашем героическом прошлом только правду, не обходя драматизма событий и человеческих судеб, не оставляя белых пятен, отрешаясь от конъюнктурных поветрий, избегая субъективистских предположений и антипатий» (см. там же).

Так горбачевский период «демократизации» привел к радикальной переоценке многих, казалось бы незыблемых ранее, авторитетов и их мемуаров.

У того же Иванова читаем: «Книга А. М. Василевского вышла первым изданием в 1973 году. Мог ли Александр Михайлович в то время, когда царил застой, откровенно изложить свои мысли? Нет, конечно. В устных беседах он высказывался более откровенно и определенно» (там же, с. 250).

А вот еще один колоритный эпизод: И. Х. Баграмян («с которым мы были близки» – пишет Иванов) «жестоко сокрушался из-за того, что не смог в своих трудах изложить собственные подлинные мысли и оценки по ряду вопросов

минувшей войны, так как в годы выхода его книг существовало множество ограничений. Зная, что я задумал готовить к печати воспоминания, он говорил: – Ты, Семен Павлович, на целых десять лет моложе меня и, наверное, доживешь до того времени, когда наконец позволено будет писать о войне более правдиво. Так постарайся же тогда поправить невольные искажения и умолчания тех, кто ушел из жизни слишком рано» (там же с. 252).

Неужели времена, когда позволено писать о войне правдиво, наконец-то наступили? Никакой цензуры, долой идеологическое кураторство со стороны КПСС, полная свобода выражения взглядов на любые исторические проблемы?

В такой непростой ситуации на смену историкам-профессионалам активно и настойчиво устремились дилетанты и конъюнктурщики, очень часто однобокие и агрессивные. Поток книг, журнальных и газетных публикаций оказался перенасыщен искажениями, фактическими ошибками и даже откровенными выдумками.

Конкретные примеры? Пожалуйста. С неподдельным интересом читаем: «...Мы прошли с боями до Осташково, озера Селигер, в Осташково жила прабабушка Гитлера, и он приказал не бомбить этот город» (см. Ю. Фомин. Человек из легенды. Киев, 2001, с. 108). Или: «В начале октября сорок первого грозного года гитлеровское командование начало наступление на Москву. Немецко-фашистские войска прорвали фронт и двинулись из-под Сталинграда (!!!) на Вязьму, окружив оставшиеся здесь части» (см. Е. Масютин. Вяземский характер. Вязьма, 2002, с. 68).

Думается, что данный этап «развития» следует назвать антиисторическим беспределом. Вместо старых мифов о войне являются новые. История окончательно перестает быть научной дисциплиной? В угоду кому?

Но и на этом наша военно-историческая эпопея не закончилась. В мае юбилейного 2015 года в Москве прошла

презентация фундаментального 12-томного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», который был создан согласно специальному распоряжению президента России В. В. Путина. К работе было привлечено около 200 лучших специалистов различного профиля из 10 ведомств (военные и гражданские историки, политологи, юристы, экономисты). Означает ли это, что дан «твердый аргументированный отпор фальсификаторам»? Историческая правда и научная объективность спустя 70 лет наконец-то восторжествовали? Или перед нами – новая парадная история войны, старый, слегка модифицированный 12-томник времен Леонида Ильича?

Время и внимательное прочтение ответят на эти вопросы. «Историки в долгу перед ветеранами»? Но их, последних, становится все меньше и меньше. Скоро не станет совсем, и платить долги будет некому.

Неудобные вопросы

Накануне и в сам год 75-летия Победы с самых разных трибун раздается настоящий хор заунывных заклинаний: «Не допустим пересмотра итогов Второй мировой войны!»

Очнитесь наконец. Они давным-давно и многократно пересмотрены. И это – совершившийся факт.

Зададим несколько неудобных, но очевидных вопросов.

Объединение Германии на условиях ФРГ – это не пересмотр итогов?

Демонтаж Варшавского договора (в одностороннем порядке!) и паническое бегство Советской армии из Восточной Европы – это не пересмотр?

Развал Советского Союза, развал и бомбежки Югославии, цивилизованный развод Чехии и Словакии в 1993 году, вступление стран Балтии в НАТО – это по-вашему не пересмотр? Какая Ялта, какой Потсдам? Где нерушимость границ?

Во что же вы в конечном итоге превратили ту самую Победу 45-го?

Вот что написал один партизан о своем покойном друге-партизане: «Сейчас, если бы встал Владимир Дмитриевич, то, по-моему, он снова взялся бы за оружие». И далее по тексту: «В категоричности такого утверждения есть, видимо, основания: не за нынешнюю жизнь проливали свою и вражескую кровь солдаты и партизаны». Конец цитаты.

Так может хотя бы через 75 лет, с учетом всех современных мировых реалий, на повестку дня будет поставлен совсем другой вопрос? Вопрос о концентрации и мобилизации. Для начала – о духовной концентрации и духовной мобилизации.

Слово «реванш» пока еще не произносимо.

Моим родным и близким посвящается

Ровно 75 лет отделяют нас от победного Мая 1945-го. За это время вступили в жизнь три поколения: дети, внуки и правнуки победителей. Два последних уже имеют о той войне самые поверхностные и искаженные представления, почерпнутые чаще всего с телеэкрана. Одновременно повсеместно и настойчиво внушается мысль о недопустимости переписывания ее истории. Но честная история последней войны до сих пор так и не написана (о чем выше было сказано достаточно подробно).

Существует совершенно иная опасность: реального опошления тех давних и трагических событий. И современная киноиндустрия играет здесь самую разрушительную роль. Из беглого просмотра ряда актуальных «шедевров» зритель узнает, что:

а) войну выиграли советские каратисты, которые надавали пинков каратистам Гитлера;

б) войну выиграли советские снайперы, которые перестреляли больше немцев, чем было во всем вермахте;

в) войну выиграл СМЕРШ и т.д. и т.п.

Актеры, которые от сериала к сериалу чередуют роли бандитов и полицейских, актрисы в образах бизнес-вумен и валютных жриц любви, даже не меняя причесок и макияжа – вся эта «творческая» братия нисколько не боится и не стыдится изображать фронтовиков. Увы, голливудские спецэффекты тут никак не помогают.

Мы, наше поколение, помним своих родителей и их безыскусные рассказы о войне, бережно храним уцелевшие фотографии, документы, награды. И нам есть что передать в наследство детям и внукам – благодарную молитвенную память о людях, вынесших всю безмерную тяжесть военных лет.

Еще и еще раз взглянемся в их молодые лица...

Боянков
Василий Ефремович
1921–1983

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

ВД № 034798

1. Число, месяц, год и место рождения
 15 ноября 1941 г.
 д. Машиничи
 Горецкий район
 Могилевская область

2. Национальность *белорус*

3. Военный билет выдан *Одесской*
наибольшей
г. Минск
(город, область, край, республика)

М. П. *Гайкович*
Красовиков
(подпись)

Дата выдачи " 8 октября " 19 48 г.

ВД № 034798

Бояков
(фамилия)

Василий Степанович
(имя и отчество)

Личный № *A-264873*

(личная подпись)

4. Образование
 а) общее или специальное
Ю. Ковалев 6/1940г.

б) военное
Селинградское воен. уч. ц. св. в 1941г.
ЗУС-0402

5. Военное звание *Старший*
лейтенант
 присвоено приказом *21 Армии*
 № *066* от *03* " *03* 19 *43* г.

6. ВУС № *0402*

7. Состав *командный*

8. Звание *3* разряда

9. Военную присягу принял
 " 5 " *мая* 19 *41* г.

10. Прохождение службы в Вооруженных Силах Союза ССР

с 5.1941 г. (с какого времени по какому времени)

Применование должности	С какого времени	По какому времени
Климовский	7.1941	12.1941
Ком. взвода связи	12.1941	6.1943
в резерве	6.1943	9.1943
Ком. взвода связи	9.1943	5.1945
Октябрьский районской		
Псковской		

Перешетков!

ВД № 034798

11. Участие в боевых действиях, боевых походах и партизанских отрядах (где, когда и в какой должности)

- Ком. взвода связи с 7.1941; ком. взвода связи 7.1941 - 7.1942.

- Помком взвода с 7.1942 - 3.1943 - ком. взвода связи.

- Дорожниковский фронт с 3.1943 - 6.1943; зам. ком. роты связи.

- 1-й и 2-й Украинский фронты с 9.1943 - 5.1945 - ком. взвода связи.

УДОСТОВЕРЕНИЕ
УЧАСТИЯ ВОИНЫ
ВРУЧЕНО 25.01.1975

В № 903678

12. Удален в запас или отставку

7.1945 г.

приказом РК ВВС от 27.03.1945 г.

по ст. 48 п. 4.

Октябрьский районской Псковской

Перешетков!

М. П. _____ 19__ г.

13. Последующее присвоение очередных воинских званий

Воинское звание Командир

присвоено приказом К ВВС № 16 от 25-го апр 1975 г.

М. П. _____

Воинское звание _____

присвоено приказом № _____ от _____ 19__ г.

М. П. _____

Из НАГРАДНОГО ЛИСТА

В боях по уничтожению Сталинградской группировки противника проявил смелость и отвагу. Все время боев находился в батальоне, ведущем бой, обеспечил бесперебойную телефонную связь между командиром полка и командиром батальона.

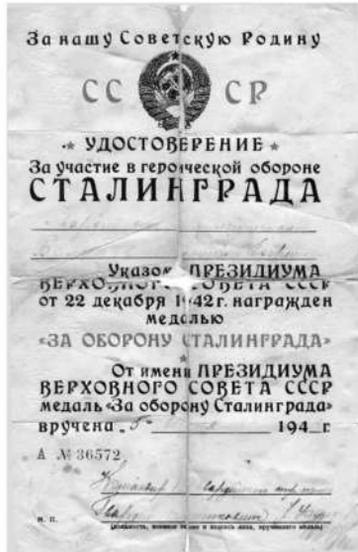
В разгар боя 19.01.1943* разрывами снарядов четыре раза была прервана телефонная связь. Сам лично под огнем противника четыре раза выходил на линию и устранял повреждения.

Связь на протяжении всех боев работала бесперебойно.

Достоин представления к Правительственной награде – ордену «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».

* 19 января – праздник Крещения Господня (П.Б.).

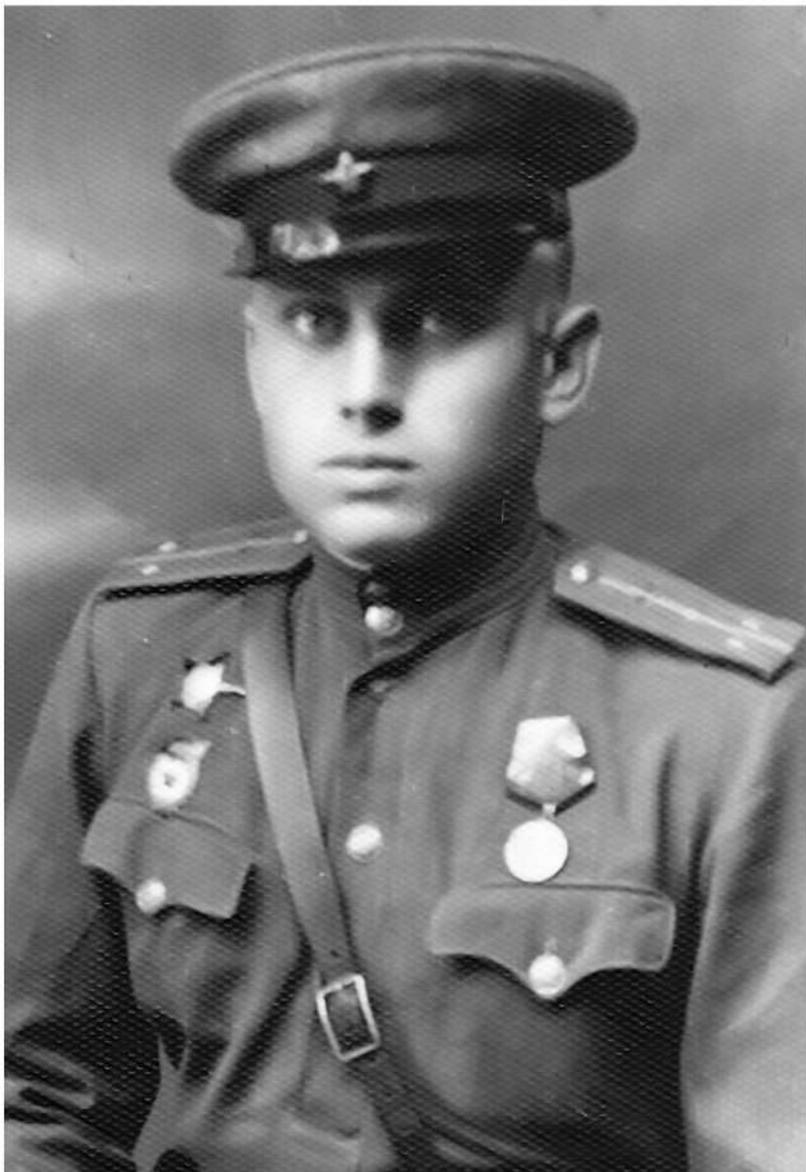

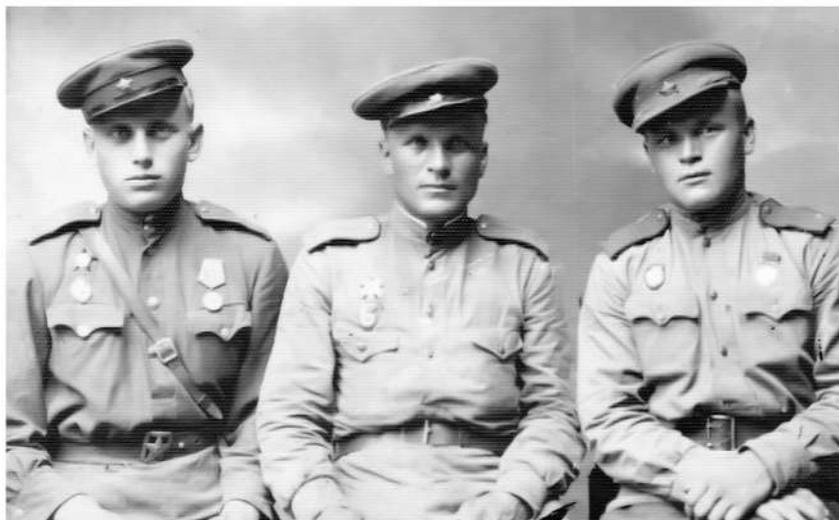
Из послужного списка

Благодарности, объявленные (персонально или в составе отличившейся части) в приказах Верховного Главнокомандующего

1. За участие в прорыве обороны противника на Житомирском направлении	30.12.1943
2. За участие в овладении г. Белая Церковь	4.01.1944
3. За участие в боях за Звенигородку	3.02.1944
4. За участие в разгроме Уманско-Христиновской группировки немцев	10.02.1944
5. За участие в освобождении г. Вапнярка	16.03.1944
6. За участие в форсировании р. Днестр	26.03.1944
7. За участие в форсировании р. Прут	8.04.1944
8. За участие в овладении гг. Сату-Маре и Карей	25.10.1944
9. За участие во взятии гг. Эгер и Сиксо	10.11.1944
10. За участие в овладении г. Рожнява	24.01.1945
11. За участие в овладении г. Зволен	14.03.1945
12. За участие в овладении г. Банска-Бистрица	26.03.1945
13. За участие в овладении г. Кремница	3.04.1945
14. За участие в овладении г. Превидза	5.04.1945

Румыния, г. Ботошани

Румыния, весна 1944 г.

Румыния, 11 июня 1944 г.

28 июля 1944 г.

Borszék, город-курорт, Северная Трансильвания

Венгрия, ноябрь 1944 г.

Чехословакия, 23 апреля 1945 г.

Моравия, май 1945 г.

1975 г.

1982 г.

Боянкова (Дудинова)
Валентина Петровна
1924–1978

Bistritz, Трансильвания, ноябрь 1944 г.

Bistritz, Трансильвания, ноябрь 1944 г.

НКО — СССР
ВОЕНТОРГ
3 января 1945 г.
№ 18

Удостоверение личности № 18
Выдано тов. Дудинской
Валентине Петровне
в том, что он действительно работает
в 58 Военторге в должности бухгалтерша
Действительно по 1 июля 1945 г.

Начальник Военторга М. Черв. Кокош
Секретарь Проскуряк

Н. К. 51
 Войсковая часть
 ПОЛЕВАЯ ПОЧТА
 28950

С П Р А В К А

Издана настоящая т. ДУДИНОВОЙ Валентине
 Петровне в том, что она действительно находилась на
 работе в войсковой части 28950 в должности бухгалтера
 с 1 сентября 1941 г. по 20 апреля 1946 г.

Освобождена от работы по семейным обстоятель-
 ствам и следует к постоянному месту жительства
 Курский область ст. Буревзка с. Волобуево.

что и удостоверяется.

Начальник войсковой части
 Д А И Т А Н

19. Апрель 1946
 № 194

Миссулский
 ЧЕРВЯКОВ

Дудинов
Виталий Петрович
1921–1942

красноармеец

Дата рождения	__.__.1921
Дата и место призыва	11.10.1940 неизвестный, г. Симферополь
Дата выбытия	__.05.1942
Причина выбытия	убит
Источник информации	ЦАМО
Номер фонда ист. информации	58
Номер описи ист. информации	977525
Номер дела ист. информации	191

Информация о донесении

Номер донесения: 63657

Тип донесения: Донесения послевоенного периода

Дата донесения: 21.08.1952

Название части: стрелецкий РВК курск. обл.

№ ухвалы: № 76396
16. августа 1952 г.

№ 18865
И. П. ДУДИНОВ

Секретно
экз. № 7

безвозвратных потерь личного состава учебных Стрелеческих районных военным комиссаратом Курской области.

№ п/п: 1 2 3 4 5 6 7 8 9
Фамилия, имя и отчество: ДУДИНОВ, Илья Иванович
Военное: солдат
Должность и наряд: командир взвода
Место рождения: Курская обл., Стрелеческий район, с/пос. Дубовое
Специальность: артиллерия
С какого года в армии: с 1948 г.

1. ДУДИНОВ Илья Иванович солдат не имеет данных не имеет. 1921 Курская обл., Стрелеческий район, с/пос. Дубовое. 11.10.1940 г.

Где и по какой причине выдал: где похоронен: в Курской обл., Стрелеческий район, с/пос. Дубовое.
Где проживает /подробный адрес/: в Курской обл., Стрелеческий район, с/пос. Дубовое.

В мае м-це 1942 г. г. Каненков, жер- Мать - ДУДИНОВА Простовья Курская обл., Стрелеческий р-н, убит немцами ок- Лесский с/с, Бурлаковский район, Светенской волости. Букревский с/с, Дубовое.

Отп. 2 экз.
экз. № 1 - адр.
экз. № 2 - в дело
исп. Петухов
отп. Бурлакова
16.8.52 г. № 569
И/Т 420 л. 20

Новый
в 7.48.
(указок в к-и
из похорон)
Млад. 6.9.52.

РАЙОННОМУ РАЙОБКОМУ
И. П. ДУДИНОВ
в/с
Дубовое
Дубовое
Дубовое

Дудинов
Георгий Петрович

Дата рождения: 1923 г.

С войны не вернулся

Данных не имеется

От автора

Эта история необъятна, неподъемна, неопиcуема. В нее можно погрузиться на ту или иную глубину, но исчерпать невозможно. У каждого была своя война. «Кому – война, а кому – мать родна!»

Первые исчерканные страницы, а затем все новые и новые правки и вставки. Завершить эту небольшую работу я смог только волевым решением. Просто поставил точку.

ВО БЛАЖЕННОМ УСПЕНИИ ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ ПОДАЖЬ, ГОСПОДИ, УСОПШИМ РАБОМ ТВОИМ: ПРИСНОПАМЯТНЫМ ВОЖДЕМ И ВОИНОМ, ЗА ВЕРУ И ОТЕЧЕСТВО НА ПОЛЕ БРАНИ ЖИЗНЬ СВОЮ ПОЛОЖИВШИМ, ОТ РАН И ГЛАДА СКОНЧАВШИМСЯ, В ПЛЕНЕНИИ И ГОРЬКИХ РАБОТАХ НЕВИННО УМУЧЕННЫМ И УБИЕННЫМ, И ВСЕМ ПОБЕДЫ РАДИ ПОТРУДИВШИМСЯ, И СОТВОРИ ИМ

В Е Ч Н У Ю П А М Я Т Ь.

Содержание

Предисловие	3
Минск: июнь 41-го	4
Накануне	4
Обрушилось	6
Танки в 41-м: сколько их было?	11
Один из миллионов, прошедших войну	14
«Декабристы» маршала Жукова	23
Необходимое послесловие	32
Церковь и власть: 1941–1945 годы	37
Трудные слова о войне	48
У войны свое лицо	48
За ценой не постояли	58
Не убили – повезло?	67
Из тех, кто выжил	71
Дни и праздники Побед	74
История войны. Какая по счету?	78
Неудобные вопросы	83
Моим родным и близким посвящается	85
От автора	110

Литературно-художественное издание

Боянков Павел, протоиерей

Трудные слова о войне

Художник В. Е. Санько
Корректор Е. А. Шлыкович
Компьютерная верстка С. Г. Савича

Подписано в печать 18.12.2020. Формат 60х90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,0. Уч. изд. л. 3,43. Тираж 300. Заказ

Издательство ООО «ВРАТА»
Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/486 от 25.01.2016.
Ул. Притыцкого д. 91, помещение 16Н, 220140 Минск.

Отпечатано в